

84(3)
П 80

ГАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ

И МУРАВЕЙНИК

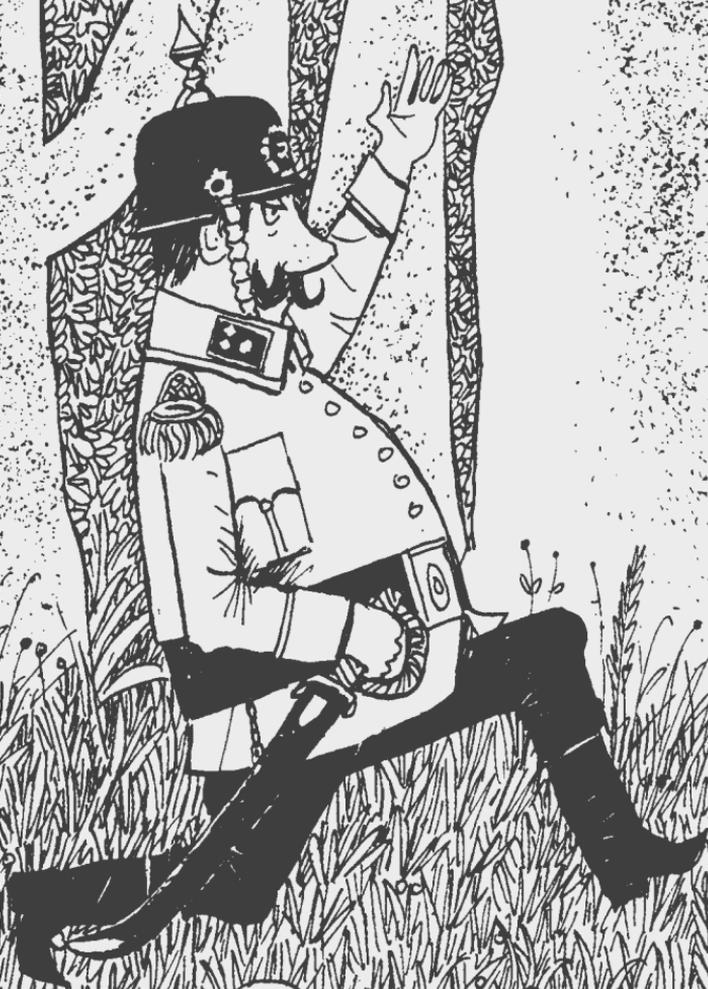
С НАЧИНКОЙ

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ХОТЦЕНПЛОТЦ

РАЗБОЙНИК
КОТЦЕНЦЛОТЦ
И
МУРАВЕЙНИК
С НАЧИНКОЙ

Отфрид Пройслер

Санкт-Петербург
АМФОРА
2003

УДК 82-93
ББК 84(4Ген)
II 78

Otfried Preußler
Hotzenplotz 3

Рисунки Ф. Триппа

Перевод с немецкого Е. В. Воропаева

Дизайн Вадима Назарова
Оформление Алексея Горбачёва

*Издательство выражает благодарность
K. Thienemanns Verlag (Германия)
за предоставление прав на издание книги*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и партнеры»*

Пройслер О.

П 78 Разбойник Хотценплотц и муравейник с начинкой: Сказочная повесть / Пер. с нем. Е. Воропаева. — СПб.: Амфора, 2003. — 151 с.
ISBN 5-94278-336-5

В этой книге вы сможете прочитать последнюю историю о разбойнике Хотценплотце и мальчиках Касперле и Сеппеле.

Автор повести, немецкий детский писатель Отфрид Пройслер, известен во всем мире. Юные читатели и их родители знают его по книгам «Маленькая Баба Яга», «Маленький Водяной» и «Маленькое Привидение».

Все три книги, рассказывающие о приключениях коварного и симпатичного разбойника, впервые публикуются на русском языке.

© Preußler / Tripp, Hotzenplotz 3
1973 by K. Thienemanns Verlag, Stuttgart–Wien
© «Амфора», перевод, оформление, 2002

ISBN 5-94278-336-5

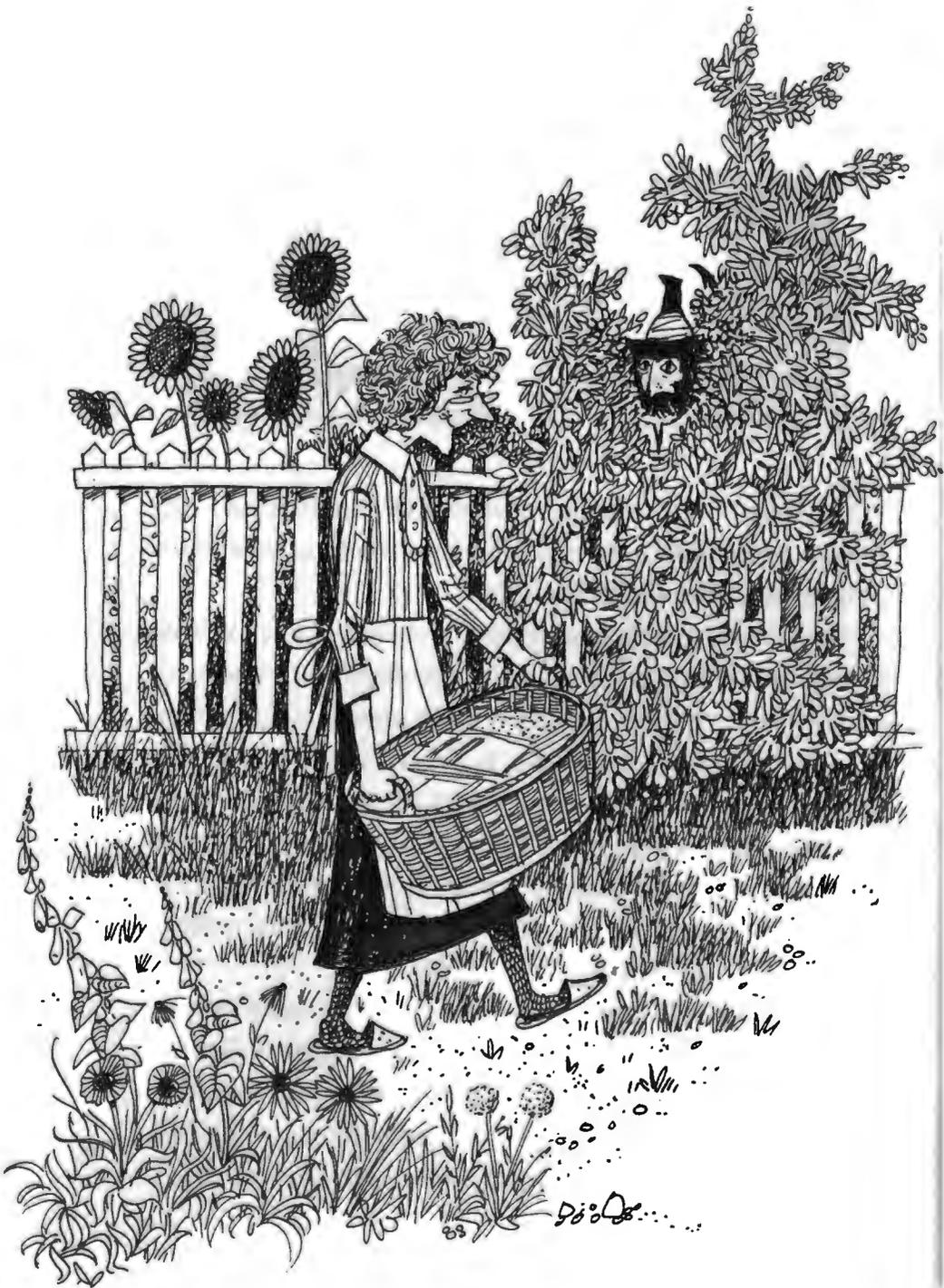
Эту книгу я посвящаю
ОЛЬГЕ, ВИКТОРУ
И ВСЕМ
ДЕВЧОНКАМ
И
МАЛЬЧИШКАМ,
которые с нетерпением спрашивали меня,
что же дальше будет
с Касперлем, Сеппелем,
Васьти и Хотценплотцем

Однажды бабушка с корзиной белья вышла в сад, чтобы на веревке позади дома развесить несколько рубашек да носовых платков.

Стоял чудесный день золотой осени. Цвели астры, подсолнухи приветливо заглядывали через ограду, а на компостной куче в углу сада зрели тыквы: пять больших, девять средних и шесть маленьких. Бабушка специально выращивала их по заветному рецепту своей двоюродной тетушки. Маленькие должны были иметь вкус абрикосов, большие — вкус шоколада, а средние — сбитых сливок снаружи и малинового мороженого внутри.

Касперль и Сеппель проявляли к тыквам полное равнодушие. Тем больший, как надеялась бабушка, их ждал сюрприз. «Только бы погода еще несколько дней продержалась достаточно теплая, — размышляла она. — В настоящий момент это главное».

Она опустила корзину с рубашками и носовыми платками на траву и только хотела было начать подтягивать ту же бельевой шнур, как в кустах раздалось «тсс!» — и когда бабушка взглянула в ту сторону, то между золотарником и кустом ореха неожиданно увидела лицо человека, которого она, к сожалению, слишком хорошо знала: уже дважды она была ограблена этим бродягой в черной шляпе с длинным пером и один раз даже похищена.

«На сей раз, — решила она, — этот номер у него не пройдет!» Затем собралась с духом и спросила твердым голосом, который лишь капельку дрогнул, однако заметила это, вероятно, лишь она сама:

— Вы опять забрались в мой сад, господин Хотценплотц?

— Как видите, сударыня.

Разбойник кивнул и хотел было выйти из своего укрытия. Бабушка невольно схватилась за мешок с прищепками.

— Ни с места! — воскликнула она. — Иначе я так дам вам в ухо этим мешком, что ни одна шляпа на вас больше не удержится, — руки вверх!

Хотценплотцу и в голову не могло прийти, что с недавних пор бабушка читала перед сном истории про разбойников. В целях предосторожности

он поднял руки и заверил, что у него и в мыслях не было ничего дурного.

Бабушка оборвала его на полуслове.

— Оставьте при себе ваше глупое красноречие! — набросилась она на него. — Я только желаю знать, как это вы на сей раз снова организовали, поскольку совершить побег из окружной тюрьмы, как известно, абсолютно невозможно.

— Так оно и есть, — сказал Хотценплотц.

— Тогда как же вы сюда попали?

— Я был освобожден сегодня утром за хорошее поведение — досрочно.

Бабушка просто ушам своим не поверила.

— Не рассказывайте сказки, господин Хотценплотц!

Хотценплотц клятвенно приложил к сердцу три пальца.

— Да чтоб мне провалиться на этом месте и заболеть корью, если я лгу вам! Кроме того, это указано в свидетельстве о моем освобождении. — Он извлек из жилетного кармана листок бумаги. — Вот — если вы мне не верите!

Бабушка отступила на шаг назад, ее вдруг осенило. Надо надеяться, что разбойник ничего не заподозрит.

— Я не могу это прочесть, — сказала она. — Мне для этого необходимо мое пенсне.

— Как так! — в изумлении воскликнул Хотценплотц. — Пенсне же сидит у вас на носу, ха-ха-ха!

— Вот это? — моментально нашлась бабушка, — она поразилась, как гладко идет дело. — Это пенсне для дали, — сказала она. — В нем я читать не могу. Для чтения мне нужно мое пенсне для близи.

Она запустила руку в левый карман фартука, затем озадаченно сунула руку в карман правый и снова озадачилась. Хотя она была не слишком искушена в авантюрах, свою роль она играла великолепно.

— В самом деле, с этой парой пенсне вечная путаница! Я постоянно одно из них где-нибудь оставляю. Пенсне для близи, я думаю, лежит в прачечной — слева у входа за дверью, рядом со стиральным корытом на стенной полке... Не могли бы вы в виде исключения оказать мне любезность, господин Хотценплотц, и принести его мне?

— Ну конечно, бабушка!

Хотценплотц сложил бумажку и спрятал ее в карман. Потом он направился к домику прачечной — а бабушка на цыпочках последовала за ним.

Кроме пары крошечных зарешеченных окошек с матовыми стеклами, в домике прачечной была только одна-единственная дверь. Хотценплотц не знал этого, зато это хорошо знала бабушка. Едва только он вошел в прачечную, как она захлопнула

дверь и заперла ее на засов. Потом дважды провернула в замке ключ, вынула и поместила его в карман фартука.

— Об остальном позаботится полиция!

До сих пор у бабушки не было времени испугаться. Только теперь, когда Хотценплотц сидел в ловушке, ее охватила ужасная дрожь: от страха ее бросало то в жар, то в холод, сад начал кружиться у нее перед глазами. Она почувствовала, что ноги отказываются служить ей. Из последних сил она закричала:

— Помогите! На по-о-мо-оцц!

Потом закрыла глаза и упала в обморок.

Последнее время Касперль и его приятель Сеппель повадились частенько навещать вдову Худобок. Они ведь пообещали ей что-нибудь придумать, чтобы содействовать возвращению прежнего облика крокодиловой собаке Васьти. С тех пор госпожа Худобок угощала их чаем и бутербродами с колбасой всякий раз, когда они приходили.

Сегодня тоже Касперль и Сеппель с аппетитом уплетали бутерброды с чаем. Госпожа Худобок, расположившаяся у окна в кресле с подлокотниками, печально покуривала толстую черную сигару. Васьти лежал вытянувшись у ее ног, он лишь довольнo ворчал да помахивал хвостом.

Его мало беспокоило то обстоятельство, что в молодости он был длинношерстной таксой, пока в один прекрасный день госпожа Худобок не переколдовала его по ошибке в крокодила. Тем бо-

лее страдала госпожа Худобок от этой неудачи. Касперль и Сеппель давно уже знали эту историю наизусть. Однако и на сей раз они снова терпеливо слушали рассказ госпожи Худобок с самого начала: как произошла с Васьти эта чертовщина, как она испробовала все мыслимые способы, чтобы расколдовать его обратно, — и как ей это не удалось.

— Напоследок я так отчаялась, что недолго думая бросила книжку по колдовству в печь и сожгла, — заключила она свою исповедь. — Я ведь ясновидящая с гослицензией на руках, а не ученая колдунья. В профессиональной жизни следует по возможности держаться в стороне от вещей, в которых не разбираешься.

— И все же! — возразил Касперль. — Лучше бы вы не бросали книгу в огонь, а подарили нам с Сеппелем!

Госпожа Худобок высморкалась в подол утреннего халата, который она имела обыкновение постоянно носить в течение всего дня, и спросила своим низким прокуренным голосом:

— Вам?

— Тогда мы уж точно смогли бы помочь Васьти! Но сожжена — значит, сожжена, и теперь вам, к сожалению, остается только запастись терпением.

На чердаке бабушкиного дома были повсюду развешаны бесчисленные мешочки и торбочки: одни были наполнены травами и кореньями, другие высушенными листьями и кусочками коры, — всё испытанные средства, применявшиеся бабушкой, чтобы лечить самые разные болезни.

— Быть может, — размышляли Касперль и Сеппель, — среди них окажутся такие, которые случайно помогут от заколдованности, как иные помогают от желудочных болей и лихорадки...

На их взгляд, Васьти нисколько не вредило их лечение травами и корнями. Уже несколько недель они испытывали на нем бабушкины запасы: наудачу, правда, однако строго в алфавитном порядке.

Они начали с анисового порошка. Потом дали Васьти сушеный корень арники, потом алтейные листья, потом базилик, потом валерьяновой настойки, потом подслащенную медом горюху, потом горечавку, потом перемолотую хинную кору — и так далее вплоть до сегодняшнего дня, когда они влили ему в пасть отвар из мать-и-мачехи.

К сожалению, пока лечение успеха не принесло.

Единственное, чего они этим добились, было то, что с предпоследнего четверга Васьти бесповоротно отказался есть мясо. Вместо этого он выказал поразительное пристрастие к салату; от кормовой

капусты, помидоров, редиса и лука он ни при каких обстоятельствах не отказывался — а на соленые огурцы стал особенно падок: их он поглощал, словно копченые колбаски.

— Бедняжка Васяти! — вздыхала госпожа Худобок. — Теперь в довершение всех бед ты еще стал и вегетарианским крокодилком! Я уже сомневаюсь в правильности лечения. А вдруг в один прекрасный день он закукарекает? Или заблеет? Или заревет по-ослиному? Даже представить себе нельзя, что с ним может приключиться, если вы и дальше будете продолжать в том же духе!

— С таким же успехом, — сказал Касперль, — он мог бы в один прекрасный день снова превратиться в таксу.

А Сеппель со своей стороны добавил:

— Не забывайте об этом, пожалуйста, госпожа Худобок!

Но у госпожи Худобок, похоже, был сегодня день не из лучших. Вместо того чтобы ответить друзьям, она начала плакать. Громко причитая, она ломала руки; в то время как ее крупные слезы капали на сигару, она рыдала:

— Я сама виновата во всех бедах Васяти — конечно, я сама виновата в этом!

Касперль и Сеппель пытались утешить ее, но безуспешно. Однажды разразившись ревом, гос-

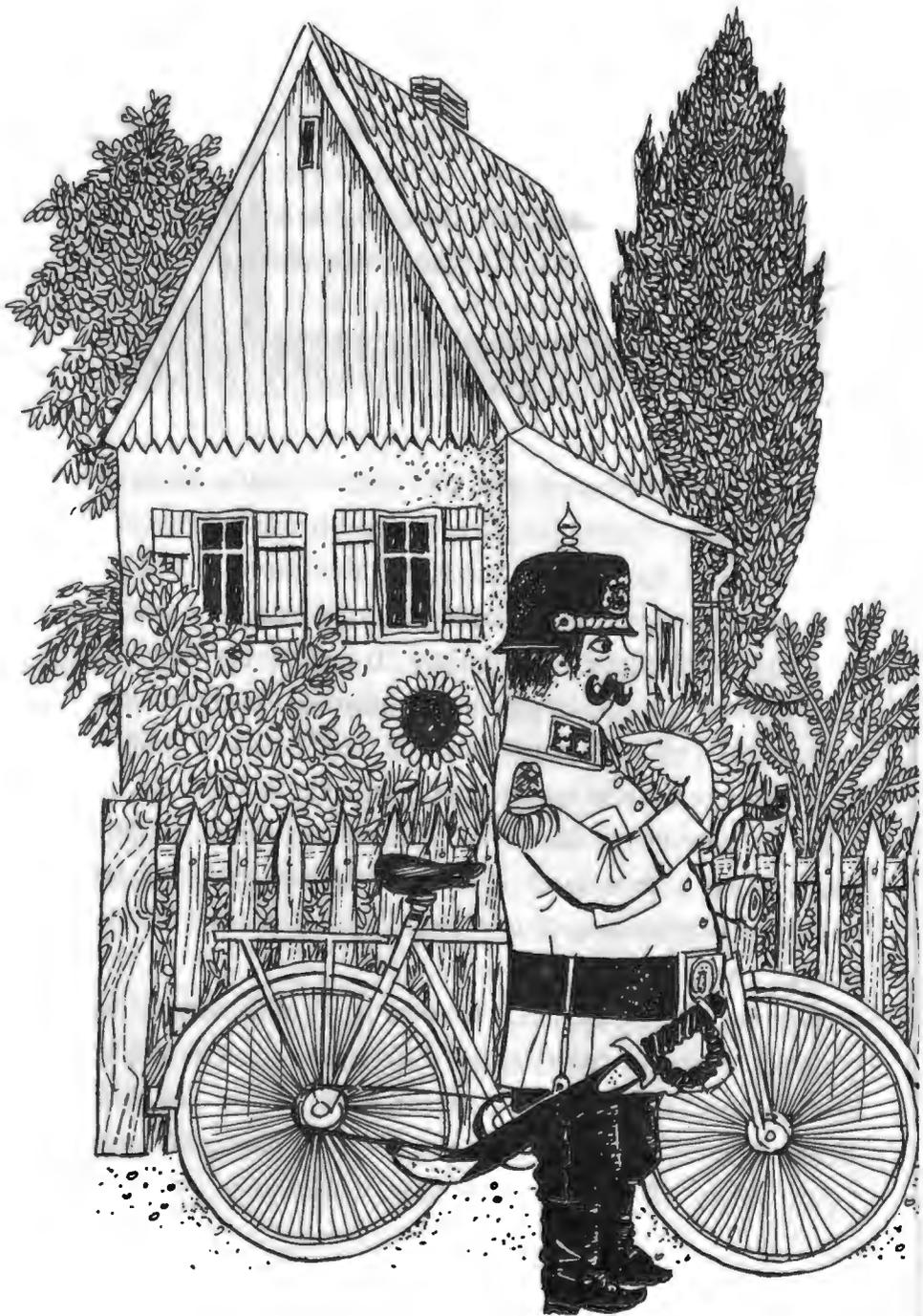
пожа Худобок продолжала реветь: и как можно было судить по ее виду, она не собиралась скоро заканчивать.

Тогда оба приятеля поспешили доесть свои бутерброды. Перед уходом они ласково потрепали Васюти по спине, потом попрощались и, предоставив госпожу Худобок ее скорби, отправились восвояси.

Касперль и Сеппель как раз подходили к калитке бабушкиного сада, когда услышали велосипедный звонок — и, едва обернувшись, увидели, что из-за ближайшего угла на полном ходу вывернул господин главный вахмистр Алоиз Димпфельмозер.левой рукой он одновременно правил велосипедом и звонил, а правой приглаживал себе усы. Серебряные пуговицы его мундира сверкали на солнце, сапоги и португепя были начищены до зеркального блеска, весь господин Димпфельмозер производил такое впечатление, будто недавно его кто-то смазал и отполировал.

Касперль и Сеппель тотчас же сообразили что к чему. Еще за завтраком бабушка прочитала им вслух из газеты, что на основании приказа, действительного от первого числа текущего месяца, господину Димпфельмозеру присвоено внеоче-

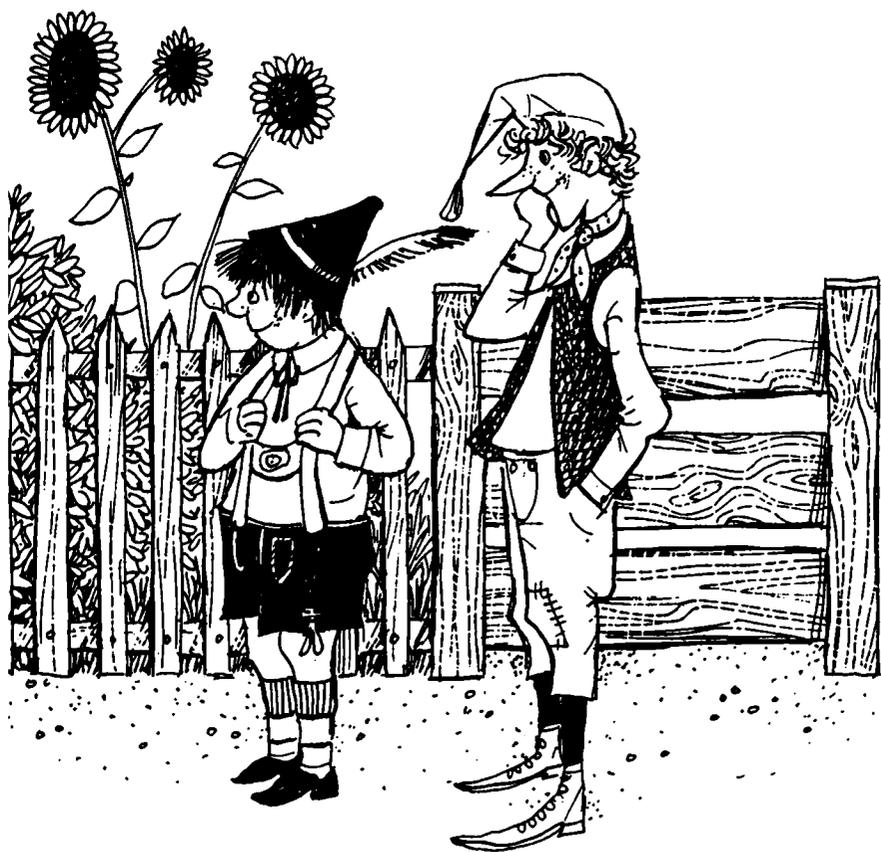

редное звание главного вахмистра — и во всем городке, несомненно, не сыскалось бы ни одного человека, кто искренне не пожелал ему этого.

Друзья приветливо помахали ему: один шапочкой с кисточкой, другой тирольской шляпой.

— Примите наши наилучшие пожелания, господин Димпфельмозер! Мы поздравляем вас!

— Большое спасибо, премного благодарен! — Господин Димпфельмозер затормозил так, что

завизжали покрышки, и лихо соскочил с велосипеда. — Стало быть, вы уже в курсе?

— Конечно, — сказал Касперль.

— И как вам она нравится?

— Кто? — спросил Сеппель.

Димпфельмозер с гордостью ткнул указательным пальцем в свой воротник.

— Третья звездочка здесь. Госпожа Доротея Бэнш, моя квартирная хозяйка, только что мне ее прикрепила.

— Очень мило с ее стороны, — сказал Касперль, а Сеппель торжественно заверил, что господину Димпфельмозеру, несомненно, невозможно было пришить более красивую звездочку.

— Бабушка очень обрадуется, когда увидит ее, — заявил Касперль.

Господин Димпфельмозер прислонил велосипед к ограде сада, огладил свой синий китель и поправил каску. Затем за Касперлем и Сеппелем последовал к домику бабушки. Дверь оказалась незапертой, окно кухни было отворено — бабушки нигде не было видно.

— Вероятно, она в саду, — предположил Касперль. — Или, может быть, в прачечной.

Друзья не очень испугались, когда обнаружили бабушку. Пожилая дама, прямая как палка,

лежала в траве: с закрытыми глазами и заострившимся носом, вытянув в стороны руки.

— Бабушка! Бабушка! — Касперль и Сеппель склонились над ней. — Скажи же хоть что-нибудь, бабушка! Ты не можешь ответить?

— Нет, — чуть слышно выдохнула бабушка. — Я в обмороке.

Сеппель стремглав кинулся за лейкой, Касперль притащил поливочный шланг. Бабушка на йоту опередила их попытку привести ее в чувство: едва только Касперль собрался было пустить воду, она открыла глаза.

— Касперль! — воскликнула она. — И Сеппель! Как хорошо, что вы тут!

Лишь только после этого она обратила внимание на господина Димпфельмозера.

— Вы должны извинить меня за то, что я вас сразу не заметила, — попросила она слабым голосом. — Не каждый день все-таки падаешь в обморок, не правда ли?

Она потеребила фартук и наморщила лоб, словно бы напряженно вспоминая о чем-то.

— Тут произошло кое-что такое, — проговорила она, — о чем я хотела поговорить с вами, господин Димпфельмозер, — нечто весьма важное... Однако что ж это было?

Касперль и Сеппель тайком подавали ей знаки. Один хватал себя за воротник, другой выбрасывал три пальца и указывал ими на господина Димпфельмозера.

— Что с вами? — спросила бабушка. — Вечно вы гримасничаете!

Поскольку бабушка не понимала, Касперль вынужден был высказаться без обиняков.

— Не хочешь ли ты поздравить господина Димпфельмозера с повышением в звании? — откровенно спросил он.

— Это тоже, это, естественно, тоже.

Бабушка поспешила с сердечными поздравлениями, потом снова погрузилась в глубокое раздумье.

— Тут было еще что-то другое, — бормотала она. — Тут было *еще* что-то...

Продолжить она не успела, потому что вдруг кто-то громко заколотил изнутри в дверь прачечной.

— Откройте! — услышали они зычный и настойчиво грубый мужской голос. — Меня заперли здесь самым незаконным образом! Отворите же наконец дверь, черт побери!

Касперль и Сеппель, господин Димпфельмозер и бабушка были столь ошарашены, словно получили кочергой по макушке. Миновало довольно много времени, прежде чем они оказались в состоянии предпринять что-либо.

Господин Димпфельмозер первым начал с того, что сделал глубокий выдох и обнажил саблю.

— Хотценплотц! — крикнул он громовым голосом. — Вы окружены! Немедленно выходите — и не оказывайте сопротивления! Вы меня поняли?

— Так точно, — произнес из-за двери Хотценплотц. — Только вот выйти-то отсюда я не могу: бабушка Касперля заперла меня здесь.

— Бабушка Касперля?

Бабушка схватилась за голову.

— Правильно, господин Димпфельмозер, я все теперь вспомнила! — Она с нескрываемой гордо-

стью огляделась по сторонам. — Такого вы от меня, по всей вероятности, не ожидали, каково?

— Вот так дела, потрясающе!

Господин Димпфельмозер вложил саблю в ножны, выхватил карандаш и открыл записную книжку.

— Позвольте, пожалуйста, занести инцидент в протокол!

Бабушка собралась было поведать, как хладнокровно она перехитрила разбойника и заперла его под замок, однако ее перебил Хотценплотц.

— Откройте! — закричал он. — Я по горло сыт сидением здесь, дьявол вас возьми! Меня освободили из окружной тюрьмы, я могу даже доказать это!

Господин Димпфельмозер подмигнул Касперлю и Сеппелю, словно хотел сказать: он, кажется, совсем за дураков нас принимает.

— Не смешите меня, Хотценплотц! Вас — и освободили? Более идиотской выдумки вы не могли придумать!

— Но это правда, господин старший вахмистр! Поверьте мне наконец!

Господин Димпфельмозер скрестил на груди руки.

— Две вещи вы должны зарубить у себя на носу, Хотценплотц: во-первых, на основании при-

каза, действительного от первого числа текущего месяца, мне было присвоено звание главного вахмистра, — и во-вторых, у меня нет ни малейшего желания разводить тут с вами тары-бары. Рассказывайте свои байки кому хотите, но не мне!

— Я вовсе не *байки* рассказываю! — заверил Хотценплотц. — Хотите взглянуть на мои бумаги? Вам достаточно только отворить дверь, чтобы я мог предъявить их вам!

Но господина Димпфельмозера так просто было не обмануть. К облегчению бабушки, Касперля и Сеппеля, он заявил коротко и ясно:

— Дверь, естественно, останется запертой.

— А справка? — спросил Хотценплотц. — Моя справка об освобождении?

— В случае крайней необходимости воспользуйтесь щелью под дверью — вы можете просунуть ее туда.

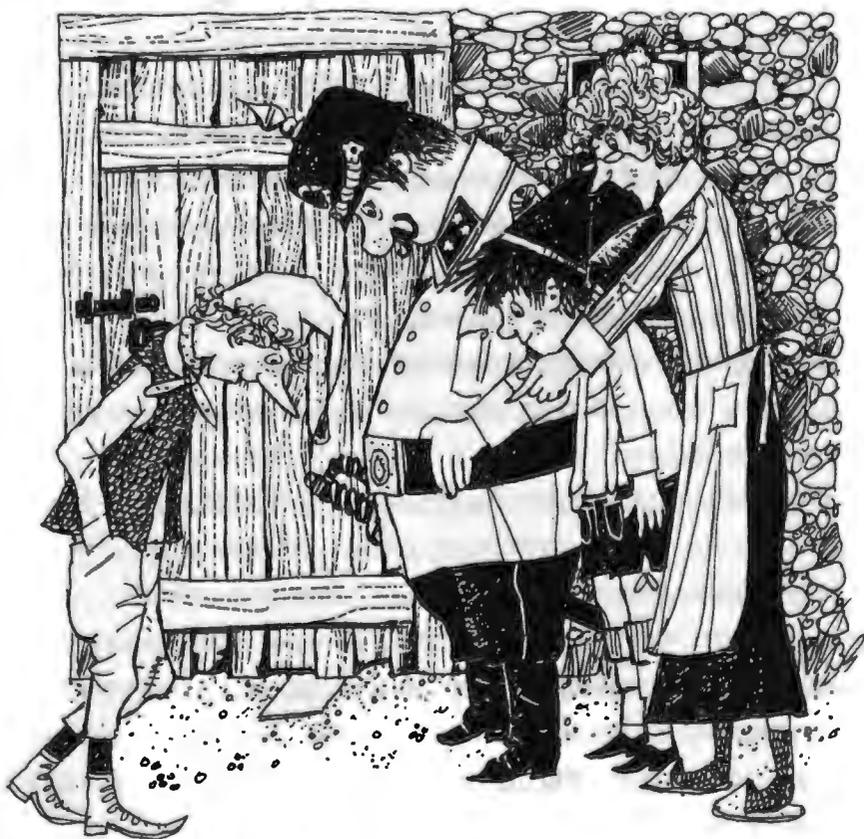
— Ну конечно же! — воскликнул Хотценплотц, и по его голосу было слышно, какое облегчение он почувствовал. — Вот это *идея!*

Потом что-то зашуршало — и смотрите-ка: сквозь щель между дверью и порогом просунулся сложенный вдвое листок бумаги. Касперль и Сеппель собрались было нагнуться за ним, но господин Димпфельмозер удержал их.

— Это дело полиции!

Он самолично нагнулся за бумагой, поднял и развернул ее. Затем начал читать: негромко, только усы его шевелились во время чтения, и постепенно лицо принимало все более смущенное выражение.

— Что там написано? — любопытствовал Касперль.

Господин Димпфельмозер расстегнул верхние пуговицы воротника, ему, казалось, не хватало воздуха.

— Документ подлинный, мы должны, к сожалению, выпустить его, — произнес он.

— Хотценплотца? — растерянно спросила бабушка.

— Он освобожден по всем правилам: с печатью и подписью, как полагается. Следовательно, отворите, пожалуйста, дверь, дражайшая.

Бабушка извлекла из кармана ключ и вставила его, несмотря на колебания, в замочную скважину.

— На вашу ответственность!

Дважды щелкнул замок, затем она отодвинула засов — и готово.

Касперль и Сеппель затаили дыхание.

Хотценплотц нажал на ручку и толкнул дверь. Он вышел на свободу, сдвинув разбойничью шляпу на затылок, и прищурил глаза от солнца.

— Как вы попали в этот сад? — прикрикнул на него господин Димпфельмозер.

— Через садовые ворота, — сказал Хотценплотц.

— И что вы здесь потеряли?

— Я имел намерение сказать бабушке «добрый день» и извиниться перед ней. За тогдaшнее — ну, вы сами, впрочем, хорошо это знаете...

— Еще бы мне не знать этого! — воскликнул господин Димпфельмозер. — А вы знаете, что я еще знаю? Как только я уличу вас в малейшем нарушении закона и права, вы снова окажетесь там, где вам место — а именно, в кутузке: это ясно как божий день!

Хотценплотц склонил голову набок.

— Вы мне не поверите — но я твердо решил для себя стать честным человеком. Даю слово разбойника!

— Вы закончили? — резко оборвал его господин Димпфельмозер. — А теперь убирайтесь с моих глаз долой!

Хотценплотц протянул руку.

— Верните прежде справку об освобождении!

— Вот! — воскликнул господин Димпфельмозер. — Отправляйтесь с ней к дьяволу. Но всегда помните о том, что мы располагаем средствами и способами держать вас на каждом шагу под полицейским контролем: к примеру сказать, с помощью известной дамы и ее хрустального шара.

— Вы разве не расслышали, что я покончил с разбоем? — спросил Хотценплотц. — Сколько раз еще я должен повторить это, прежде чем вы поймете, что для меня это серьезно? Будьте все здоровы!

Он сунул справку об освобождении в карман жилетки, потом слегка коснулся пальцами шляпы и покинул сад.

Касперль и Сеппель, господин Димпфельмозер и бабушка посмотрели ему вслед, они чувствовали себя до некоторой степени не в своей тарелке, все четверо, — когда их внезапно вывел из этого состояния пронзительный звонок.

Господин Димпфельмозер побледнел до кончиков усов.

— Мой велосипед! — закричал он. — Хотцен-плотц похитил у меня велосипед — и теперь уже во второй раз!

Переполох, как оказалось, был совершенно напрасным. Касперль и Сеппель уже собрались было сорваться с места, чтобы начать преследование разбойника, когда Хотценлотц добровольно вернулся в сад. Он, толкая, ввел велосипед и прислонил его к скамейке возле дома.

— Вы позабыли замкнуть его, господин главный вахмистр. И я подумал, что будет лучше, если я поставлю велосипед здесь за оградой.

С этими словами он слегка приподнял разбойничью шляпу и растворился окончательно.

Господина Димпфельмозера как обухом по голове огрело. Прошло полминуты и тридцать семь секунд, прежде чем к нему опять вернулся дар речи; и хотя он находился на службе и являлся сознающим свой долг должностным лицом, он сказал:

— После такой диспозиции, бабушка, я попрошу у вас рюмочку шнапса.

Бабушка нашла, что она тоже не прочь сделать глоточек, «потому что это так хорошо успокаивает нервы». Пока она, не теряя ни секунды, поспешила в дом, господин Димпфельмозер обратился к Касперлю и Сеппелю.

— Бегите к госпоже Худобок, — поручил он обоим, — и передайте ей, что я-де иду за вами по пятам. Она тем временем должна все подготовить, чтобы я тотчас же мог приступить к наблюдению за разбойником.

Он хотел было запереть велосипед на замок, однако никак не мог отыскать ключ в своих многочисленных карманах. Тогда, недолго думая, он крепко привязал его куском веревки к скамейке у дома.

— Четыре пары тройных узлов должно быть достаточно, я полагаю.

Завязав узлы, он тоже пошел в дом.

— Приятного аппетита! — крикнули ему вслед Касперль и Сеппель.

Потом опрометью кинулись к госпоже Худобок, причем самой кратчайшей дорогой: через заднюю калитку сада, прямо мимо компоста.

— Послушай, может, Васьти придется по вкусу что-нибудь из этого? — спросил Касперль, взглядывая на тыквы.

— Почему бы нет? — решил Сеппель. — Пусть попробует, а там видно будет.

Они прихватили с собой парочку маленьких тыкв. То, что каждая из них у бабушки на счету, они даже предположить не могли, а то, что речь к тому же идет еще и о тыквах необыкновенных, им и в голову не пришло: так хорошо бабушка хранила от них свою тайну.

Госпожа Худобок, как всегда, не спешила. Шесть или семь раз пришлось Касперлю и Сеппелю постучать в ворота сада, прежде чем она

наконец соблаговолила, шаркая туфлями, подойти к ним. Лицо ее было еще слегка зареванным, однако в общем и целом она, казалось, снова взяла себя в руки.

— Вы опять явились с новыми травами для Васьти?

Она говорила в нос, как будто у нее был сенной насморк.

— Нет, — сказал Касперль. — Мы пришли по поручению полиции. Господину Димпфельмозеру нужна ваша поддержка — вы только выслушайте, о чем он вас просит...

Госпожа Худобок всплеснула руками, когда друзья сообщили ей, что произошло. И хотя она была как-никак ясновидящей с гослицензией, она вынуждена была признать, что ничего подобного не предугадала.

— Времена, когда люди трепетали перед моим ремеслом, миновали!

Она заявила о своей готовности безотлагательно помочь господину Димпфельмозеру: с помощью хрустального шара это детские игры. Затем, шаркая туфлями, она через сад проплыла в дом, а друзья последовали за ней. В прихожей им навстречу выскочил Васьти. Радостно лая, он набросился на Касперля и Сеппеля, пастью хватая их за руки.

— Не балуй! — пожурила его госпожа Худо-бок. — Приличной собаке негоже так себя вести!

В то время как она поспешила в гостиную, чтобы достать из шкафа хрустальный шар, друзья приотстали в сенях возле Васьи.

— Мы тебе кое-что принесли. — Касперль протянул ему одну из тыкв. — На-ка — попробуй!

Васьи, собственно говоря, был сыт до отвала. Лишь незадолго перед их приходом он уплел пол-

торы дюжины картофельных клецек с тушеной зеленой фасолью и огуречным салатом в качестве гарнира. Ради приличия он обнюхал тыкву со всех сторон — и только потому, что не хотел обижать Касперля и Сеппеля, в конце концов надкусил ее.

— Ну, как нам это понравилось?

Раздалось удивленное «гав-гав», которое можно примерно перевести как: «Ого, да это же просто лакомство!» Затем он принялся пожирать тыкву так, что только за ушами трещало.

— А теперь, — заявил Сеппель, — еще и вторая в придачу!

Васьти обнюхал и вторую тыкву. Однако есть ее не стал, потому что желудок его был уже переполнен. Он просто подтолкнул ее мордой — и за-

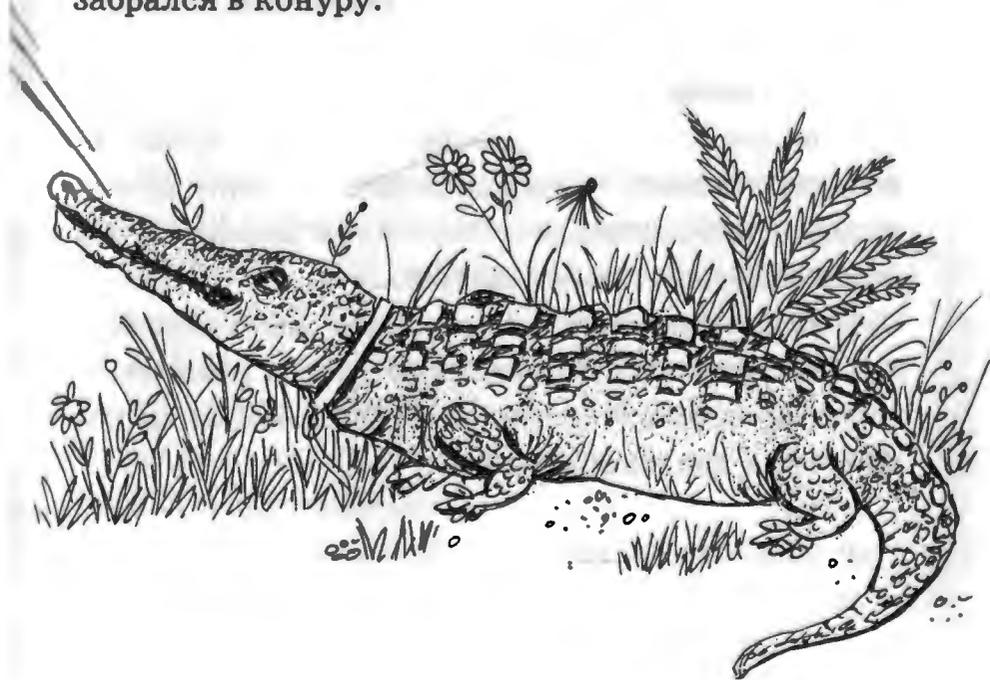
тем ловко покатил перед собой: через прихожую, в дверь на улицу и еще дальше по саду, напрямик к своей конуре.

— Гляди-ка! — воскликнул Сеппель. — Он играет тыквой в мордобол, сейчас он забьет гол в собственные ворота!

Перед собачьей конурой Васьти замедлил бег. Он опустил морду, он прицелился и — хоп! — сильным ударом отправил тыкву внутрь.

— Отлично сыграно!

Касперль и Сеппель захлопали в ладоши, однако Васьти не доставил им удовольствия повторить фокус. Больше не обращая на них внимания, он забрался в конуру.

— Да оставьте меня в покое! — проворчал он на собачьем языке. — Теперь я хотел бы отдохнуть, гаф-гаф, и капельку поспать.

Друзья вполне уразумели, что он имел в виду.

— Пойдем, — сказал Касперль Сеппелю. — Теперь к госпоже Худобок.

Шторы в гостиной, как всегда, были опущены. Пламя одной-единственной свечи освещало комнату. Свеча стояла в середине круглого, покрытого всевозможными диковинными знаками стола. Там же покоился знаменитый шар из горного хрусталя. С его помощью можно было наблюдать все, что происходило вокруг в радиусе тринадцати миль: при условии, что это совершалось под открытым небом.

До сих пор Касперль и Сеппель собственными глазами не видели шар госпожи Худобок.

«Говоря откровенно, — подумал Касперль, посмотрев на него, — он выглядит как одна из маленьких бабушкиных тыкв — с той разницей, что он не зеленый, а голубоватый...»

И в самом деле: за исключением этого незначительного отличия, бабушкины тыквы и магический шар вдовы Порциункулы Худобок были похожи как две капли воды.

Господин главный вахмистр полиции Алоиз Димпфельмозер заставлял себя ждать. Друзья не могли объяснить себе, почему он так долго отсутствует. Не напал ли на него по дороге разбойник Хотценплотц?

— Давайте-ка посмотрим, — сказала госпожа Худобок.

Она под села к столу и начала поворачивать подушку из черного бархата, на которой лежал хрустальный шар. Тут у садовой калитки раздался звонок — и когда Касперль и Сеппель стрелой вылетели во двор, чтобы открыть, снаружи стоял господин Димпфельмозер со своим велосипедом: с красным как у рака лицом, он тяжело пыхтел и отдувался, словно старый паровоз.

— Я уж думал, что никогда не развяжу четвертый тройной узел! — с трудом переводя дух,

проговорил он. — На будущее, я полагаю, трех мне будет вполне достаточно.

Он нашарил в кармане бечевку и огляделся по сторонам.

— Где здесь можно привязать велосипед?

— Да просто поставьте его к конуре Васяти! — предложил Касперль.

— Ты прав, — сказал господин Димпфельмозер. — Там он в безопасности даже от Хотценплотца — и без веревки.

В дверях гостиной госпожа Худобок встретила его возгласом: «Ну наконец-то вы явились!» Потом она предложила ему чашку чаю.

— Спасибо, — отрицательно покачал головой господин Димпфельмозер. — К сожалению, вместо чая мы должны безотлагательно приступить к полицейскому наблюдению за разбойником. Каждая минута дорога.

Он уселся перед шаром из горного хрусталя. Госпожа Худобок заняла место на противоположной стороне стола, Касперль и Сеппель встали позади господина Димпфельмозера и наблюдали через его плечо.

— Итак, начинаем!

Госпожа Худобок кончиками пальцев слегка повернула подушку налево, а потом слегка направо, медленно и осторожно: тогда магический

шар начал приобретать прозрачность и налился молочным мерцанием — как будто заполняясь белым дымом или туманом.

— Откуда вы желаете начать поиски?

Господин Димпфельмозер почесал затылок.

— Начнем-ка мы с дороги через разбойничий лес, которая ведет к его пещере!

Госпожа Худобок повернула подушку еще немножко вправо. Туман рассеялся, внутри шара появилось изображение леса: сначала оно было расплывчатым, однако быстро обрело четкие контуры.

— Разбойничий лес! — удивился Сеппель. — Здесь проходит проселочная дорога — а там, у поворота...

— Действительно! — воскликнул Касперль. — Там у поворота начинается тропинка, ведущая к старому Каменному Кресту — и от Каменного Креста к разбойничьей пещере!

Госпожа Худобок манипулировала своим магическим шаром с превеликим мастерством. У Касперля и Сеппеля появилось ощущение, будто они с быстротою молнии летели по лесной тропинке: мимо малиновых зарослей и кустов ежевики, по сплетению корней, по камням и через вьющийся терновник, сквозь огонь и воду. Вот уже мост над Мшистым ручьем — а там, буквально в нескольких шагах, они обнаружили Хотценплотца, кото-

рый, тяжело ступая, брел через вересковую пустошь: они догнали его.

— Тсс! — прошептал Касперль. — Я полагаю, он что-то напевает.

Голос разбойника звучал издалека, и все же слова песни можно было четко различить. Это был один-единственный куплет, который Хотценплотц непрерывно повторял:

Жизнь в лесу здесь весела
Мне, разбойнику, была!
Но хочу всем обещать
Честным человеком стать!
Но хочу всем обещать
Честным стать!

Господин Димпфельмозер некоторое время с гневным выражением лица слушал его, а затем проворчал:

— Чистейшее надувательство! Ему вовсе нет надобности петь так громко, чтобы уверить в этом полицию!

Между тем разбойник широким шагом приблизился к своему жилищу. Доски, которыми господин Димпфельмозер давеча заколотил вход, он оторвал и побросал на землю. Потом отворил дверь и скрылся.

Что можно было возразить против этого? Ведь в его бумагах черным по белому было написано, что он отпущен «на место своего постоянного жительства».

— Обождем, что он предпримет, — проворчал господин Димпфельмозер.

Сил магического шара, к сожалению, было недостаточно, чтобы наблюдать за Хотценплотцем внутри его пещеры. Некоторое время в пещере царила тишина — затем они услышали звуки, напо-

минающие громкий храп. Из этого они заключили, что разбойник улегся спать.

Долгие часы провели они в напряженном ожидании. Госпожа Худобок заварила чай и угостила их сырным печеньем и пирожками с луком. Уже стемнело в лесу, когда Хотценплотц появился снова.

Широко зевая, он вышел из разбойничьей пещеры. Взял понюшку табаку, потер нос и несколько раз чихнул. Потом достал из густого кустарника штыковую лопату, взял ее на плечо, — и они уже не выпускали его из виду до тех пор, пока он не остановился наконец перед огромным муравейником.

Какая удача, что светила луна!

Так, несмотря на темноту, они смогли отчетливо разглядеть, что это был искусственный муравейник, с которым лопате разбойника теперь пришлось изрядно повозиться.

Он откопал два бочонка пороха и один обитый жестью ящик.

Из ящика Хотценплотц вынул дюжину пистолетов и по меньшей мере семь ножей, все это он сложил в большой мешок.

Потом черная туча занавесила луну, изображение в шаре померкло — и больше в этот вечер при всем желании наблюдать было нечего.

Касперль и Сеппель, госпожа Худобок и господин Димпфельмозер увидели достаточно: теперь они были твердо уверены в том, что у Хотценплотца и в мыслях не было менять свой образ жизни.

— Мирные граждане в порохе не нуждаются, — заявил господин Димпфельмозер. — А что он замышляет со своими ножами и пистолетами, ясно как дважды два. Надвигается величайшая опасность! Завтра утром я все это письменно занесу в протокол — и после обеда определю, какие дальнейшие меры против него предпринять. Мерзавец у меня узнает, где раки зимуют!

Он надел каску, затем обратился к вдове Худобок со следующими словами:

— Не будете ли вы любезны завтра утром, когда рассветет, продолжить наблюдение за разбойником? Очень важно, чтобы он не улизнул от нас.

— Из уважения к вам, — ответила ему госпожа Худобок, — я поставлю будильник на четыре часа утра.

Касперль и Сеппель были вовсе не в восторге от того, что господин Димпфельмозер собирался предпринять следующий шаг против Хотценплотца не ранее второй половины завтрашнего дня. Разбойник был вооружен до зубов — что только он мог натворить за это время!

Возвращаясь вместе домой, они разработали план, с помощью которого намеревались поймать Хотценплотца.

— Мы уже дважды держали его в руках, — сказал Касперль. — Так справимся и в третий раз тоже!

На следующее утро они ни свет ни заря незаметно улизнули из дома и пустились в дорогу: Касперль с полным песка мешком за спиной, Сеппель с бабушкиным бельевым шнуром под мышкой.

В предрассветных сумерках они торопливо двинулись через лес, пересекли Мшистый ручей и проскользнули мимо старого Каменного Креста. Неподалеку от разбойничьей пещеры они остановились. Здесь высились два могучих старых бука рядом с тропинкой, один слева, а другой справа от нее: это было место, наиболее подходящее для ловли разбойника.

— Приступим! — сказал Касперль.

С помощью Сеппеля он взобрался на левый бук и уселся верхом на ветке, нависающей над тропинкой. Он осторожно продвигался вдоль ветки до тех пор, пока пешеходная стежка не оказалась точно под ним. Теперь Сеппель должен был забросить ему один конец бабушкиной бельевой веревки.

— Ну, поймал?

— Спасибо. Порядок, — сказал Касперль. — Я снова спущу ее с другой стороны, чтобы ты крепко привязал к ней мешок с песком. Тебе ясно?

— Ясно как дважды два.

Касперль пополз назад и по буковому стволу соскользнул на землю.

— Готово?

— Минуточку, — сказал Сеппель. — Я для надежности сделаю добавочный узел... Пусть у меня борода вырастет, если он не выдержит.

Совместными усилиями они подтянули мешок вверх до самой ветки. Свободный конец бельевой веревки они обмотали вокруг букового ствола, стоявшего по правую сторону тропинки. Остаток Касперль натянул поперек дороги так, чтобы об него можно было споткнуться.

— И ты думаешь, все получится? — спросил Сеппель. — Откуда вообще известно, что Хотценплотц проследует именно здесь?

Касперль не сомневался.

— Другой дороги, которая вела бы к его пещере, просто не существует.

— А мешок с песком? Он действительно упадет?

— Это можно проверить.

— Хорошо бы, — сказал Сеппель. — Представим, что Хотценплотц проходит здесь и не замечает спотыкальной веревки. Он наталкивается на нее ногой: совсем несильно, как сейчас ее толкаю я, — и потом?

Опасения Сеппеля оказались совершенно безосновательными.

Едва лишь он коснулся спотыкальной веревки большим пальцем ноги — как мешок с песком рухнул вниз. Он так плюхнул его по шляпе, что Сеппель только ойкнул:

— Ой!

С этим восклицанием он осел и больше не проронил ни слова.

— Сеппель! — вскричал Касперль. — Что с тобой, ради всего святого? Вставай, Сеппель!

Сеппель лежал как громом пораженный и не издавал ни звука.

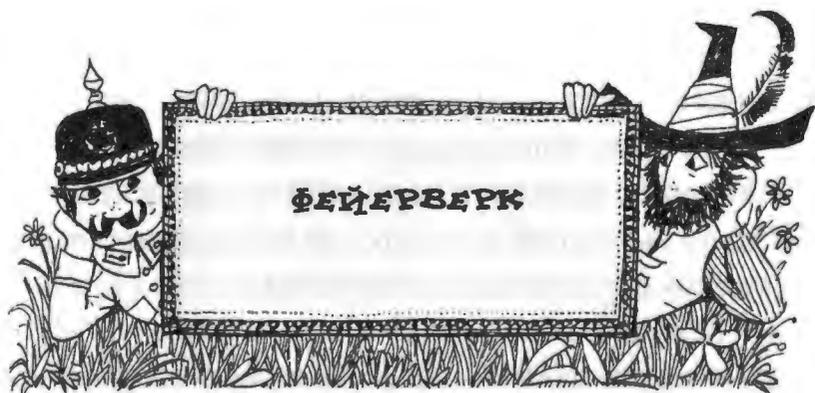
— Сеппель! — умолял его Касперль. — Поднимайся, Сеппель!

Он дергал его за волосы, тербил за уши, он щипал его за нос — все напрасно. Тут раздался хриплый мужской голос:

— Он, кажется, попался в собственную ловушку, ха-ха!

И когда пораженный Касперль поднял глаза — он посмотрел прямо в лицо разбойнику Хотценплотцу.

От испуга Касперль не мог вымолвить ни звука. Что ж ему теперь — вот так просто бросить Сеппеля на произвол судьбы? Да никогда в жизни! Пусть разбойник делает с ним что угодно!

— Ну что, изобретатели?

Хотценплотц опустился на корточки рядом с Касперлем и пощупал у Сеппеля пульс.

— Давай-ка попробуем привести его в чувство. — Он извлек из кармана штанов табакерку. — Эта штука, следует тебе знать, творит иногда чудеса.

— Вы полагаете?

Хотценплотц набил Сеппелю нюхательным табаком полный нос.

— Смотри внимательно, как это помогает!

Не прошло и двух секунд, как Сеппель разразился ужасным чиханием. Он чихал и чихал, словно вознамерился исчихать себя изнутри по кусочку.

Касперль схватил его за плечи и стал трясти.

— Апчхи! — шумел Сеппель и судорожно хватал ртом воздух. — Я, должно быть, схватил ужасный насморк, Касперль, апчхи, ап-чхи-и!

Касперль протянул ему свой носовой платок. Сеппель высморкался и протер глаза. Лишь только теперь он заметил Хотценплотца.

— Это вы?

— Я, если ты ничего не имеешь против. А теперь скажите-ка мне откровенно, что здесь произошло?

— Ах, — нехотя промямлил Касперль, — мы, собственно говоря, и сами не знаем. Какая-то случайность, вы понимаете, ничего, кроме глупой случайности, господин Хотценплотц...

— А полный мешок песка? А спотыкальная веревка? — Разбойник отмахнулся от ответа Касперля, пренебрежительно хмыкнув. — Я, знаете ли, наблюдал за вами уже довольно давно — и нахожу, что вам лучше оставить эту затею.

— Какую? — спросил Касперль с таким невинным видом, на какой только был способен.

— Ставить мне западню! Во-первых, так недолго и в глаз схлопотать...

— В глаз — это ничего, — вставил Сеппель. — Тут я вот уже схлопотал по шляпе. А во-вторых?

— Во-вторых, укуси меня черт и его бабушка, сейчас я повторяю еще раз, что со вчерашнего дня

я являюсь мирным гражданином! К чему тогда мешок с песком, которым вы собирались огреть меня по голове — по моей доброй, старой, бывшей разбойничьей голове?

Этого еще не хватало, чтобы Хотценплотц насмеялся над ними!

— Не прикидывайтесь простачком, пожалуйста! — воскликнул Касперль. — Сеппель и я как свои пять пальцев знаем, что вы из себя представляете, господин Хотценплотц!

— И к счастью, — сказал Сеппель, — полиция тоже в курсе дела!

Хотценлотц сделал большие глаза, будто ни сном ни духом не ведал, о чем идет речь.

— Я воистину не понимаю, что вы имеете в виду.

— Тогда припомните-ка, пожалуйста, вчерашний вечер! — подсказал ему Касперль. — Я только скажу: муравейник!

Разбойник смерил его изумленным взглядом.

— Вы имеете в виду полдюжины пистолетов?

— Там было еще по меньшей мере семь ножей — и кроме того, два бочонка пороху. Вы, должно быть, позабыли об этом, господин Клотценлотц?

Хотценлотц шлепнул себя ладонью по бедру.

— Если это все, то вы можете быть спокойны, ха-ха-ха-ха-а!

— Послушайте! — вскипел Касперль. — Это, на наш взгляд, вовсе не так смешно!

Хотценлотц же хохотал так, что слезы покапались у него по щекам: настоящие, подлинные, крупные разбойничьи слезы.

— Да ведь я выкопал весь этот старый хлам потому, что хотел от него избавиться, проклятье!

— Избавиться? — спросил Сеппель.

— Потому что честному человеку нечего делать с пистолетами, с ножами да порохом — ясно?

Следовало ли приятелям верить словам разбойника?

— И что же вы сделали с этим добром? — интересовался Касперль.

— Пока ничего, — пояснил Хотценплотц. — Потому что вчера вечером было уже слишком темно.

— А сейчас? — спросил Касперль.

— Сейчас мы со всем этим покончим, — ответил ему разбойник. — Поднимайтесь — и ступайте со мной! — Он подтолкнул их в спину. — Вперед!

Далеко идти им не пришлось. Через несколько шагов они вышли на небольшую лесную поляну. Там в лощине лежали оба бочонка с порохом.

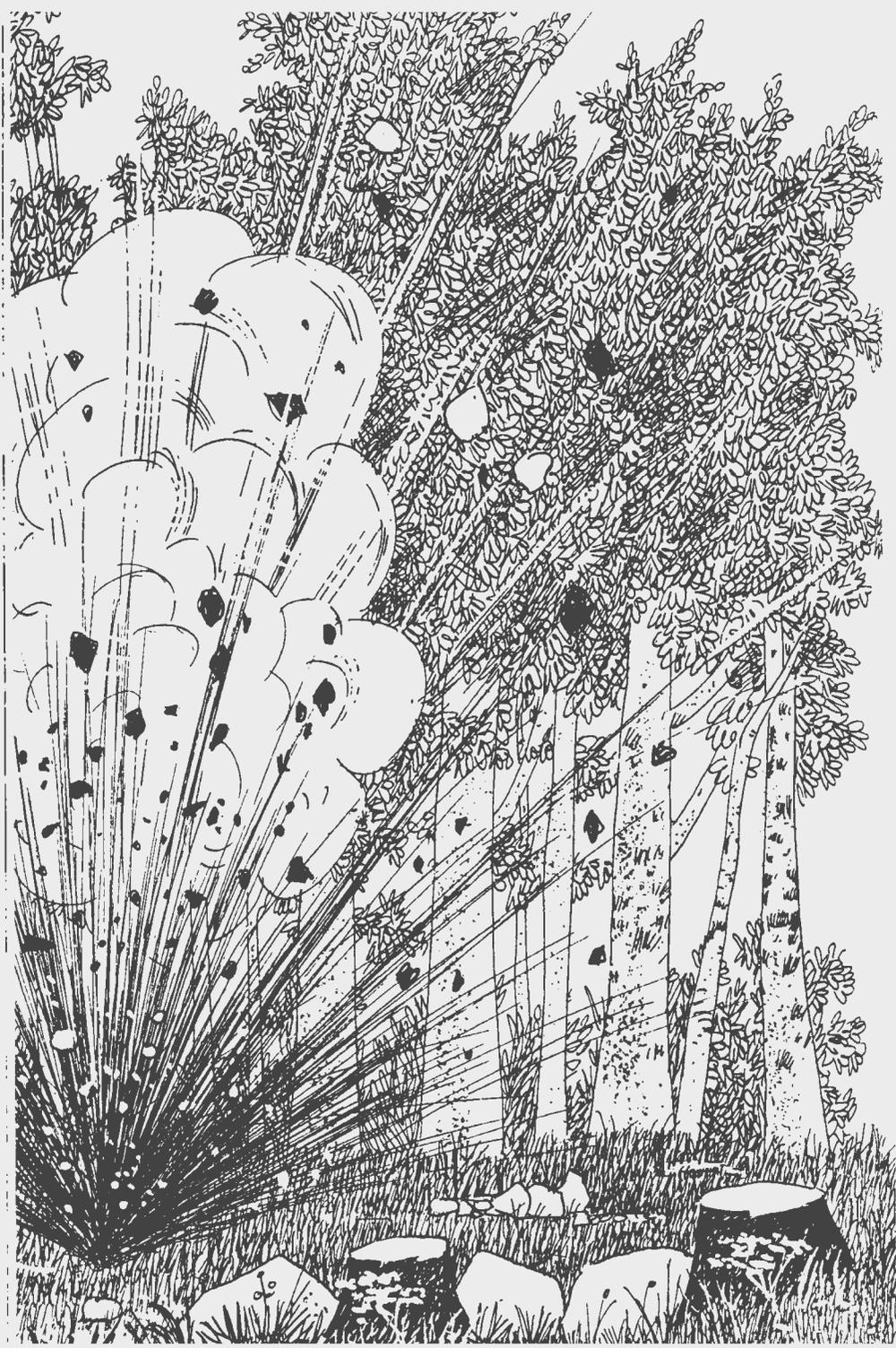
— Вот мы вроде бы и на месте, — проговорил Хотценплотц. — Все уже подготовлено — мы с этим покончим не откладывая!

Касперль и Сеппель понурили головы, они в этот момент хотели бы оказаться как можно дальше отсюда. Что же замыслил разбойник с ними сделать: это ничего хорошего не предвещало.

— Видите тут, на лесной почве, коричневую нитку?

— Да, — сказал Касперль, недолго поискав глазами.

— Это запальный шнур, он ведет к бочонкам с порохом. Я как раз собирался поднять на воздух весь этот хлам: да тут мне помешали два великих охотника на разбойников — если уж везет, так везет!

Нос у Касперля побелел как мел.

— Вы нас — взорвете?

— Чуть какая! — воскликнул Хотценплотц. — Вы только полюбуетесь моим фейерверком, и ничего больше.

Друзьям пришлось лечь рядом с ним на землю.

— Прижмитесь как следует! — приказал он им, прежде чем запалить спичкой кончик фитиля. Шипя и треща, голубой огонек пустился пожирать его, сквозь траву и вереск с быстротою молнии скользя к бочонкам.

— Теперь пригнитесь!

Хотценплотц ухватил Касперля и Сеппеля за воротник и воткнул их носами в мох.

Затем они внезапно услышали грохот, будто из двенадцати мортир выстрелили одновременно. Комья земли и щепки завертелись в воздухе так, что только треск стоял.

Когда приятели отважились поднять головы, бочонки с порохом исчезли. Черное пятно в траве, голое и лысое: это было все, что от них осталось.

— Это весь ваш порох? — спросил Касперль.

— До последней крошки, — заверил Хотценплотц. — Теперь вы верите, что я честно решил для себя навсегда покончить с разбоем?

— Теперь уж конечно, — заверил Сеппель.

— А ты, Касперль?

— Клянусь честью, господин Хотценплотц!

Таким образом, все было ясно — все, за исключением одного. И это был пункт, который доставлял особое беспокойство бывшему разбойнику.

— А поверит ли мне наконец господин Димпфельмозер?

— Несомненно, — сказал Касперль. — Госпожа Худобок в точности передаст ему, что произошло с порохом, — в том случае, если он не наблюдал это собственными глазами.

— Как это? — спросил Хотценплотц.

Касперль и Сеппель открыли ему тайну магического шара госпожи Худобок.

— Надо признаться, потрясающая штукавина! Хотценплотц почесал за левым ухом и откашлялся; затем прокричал громким голосом, чтобы быть уверенным, что в гостиной госпожи Худобок это не пропустят мимо ушей:

— Как вы могли заметить, дорогие телезрители, я пустил на воздух оставшийся запас своего пороха до последней крошки, — а теперь, пожалуйста, посмотрите внимательно, что Касперль,

Сеппель и я сделаем с ножами и пистолетами. Если и после этого вы по-прежнему будете считать меня мерзавцем, вы пропащие люди. Есть же, в конце концов, еще и чувство собственного достоинства, не правда ли, черт побери? Этого, господин Димпфельмозер, вы отрицать не можете — даже если вы тысячу раз полицейский!

Он кивнул приятелям и сказал:

— Ну, в путь — теперь мы им покажем!

Все вместе они пришли к разбойничьей пещере, мешок с оружием лежал наготове за дубовой дверью. Хотценплотц взвалил его на плечи, потом через лес и густой кустарник провел Касперля и Сеппеля на край болота.

— Держитесь строго за мной! — проинструктировал он их. — Стежки-дорожки здесь окрест узкие, сделаешь один неверный шаг — и ты утонул в болоте, будто тебя никогда не существовало. Но если кто здесь хорошо и ориентируется, так это старина Хотценплотц.

«Мы надеемся!» — подумал Касперль, а Сеппель трижды сплюнул, чтоб пронесло.

Покачивающимися стезями они вслед за Хотценплотцем пробирались вглубь болота. В иных местах почва под ногами вдруг начинала так предательски хлюпать, что, казалось, они вот-вот увязнут бесповоротно. Вода набралась им в башмаки —

однако они всякий раз опять благополучно выбирались на твердую почву.

У одного особенно черного и сиротливого омута они остановились.

— Ну что, приступим?

Хотценплотц нашарил в мешке один из семи ножей и протянул его Касперлю.

— Долой!

— Трижды долой!

Касперль вытянул руку и отпустил нож.

С плеском и бульканьем тот безвозвратно скрылся под водой.

— Пусть достает, кто хочет, — теперь дальше!

Вдоль и поперек исходили они все болото, от одного омута к другому. Касперлю и Сеппелю пришлось чередоваться друг с другом. Они топили оружие поштучно, каждый экземпляр в каком-нибудь новом, недоступном месте.

— Долой! — восклицали они всякий раз, когда черный соус с чавканьем проглатывал очередную жертву. — Долой — трижды долой!

Прошло некоторое время, пока мешок не опустел. Потом они возвратились к разбойничьей пещере в лесу.

— Знаете что? — заявил Хотценлотц. — Давайте-ка разведем костер, на нем мы сможем высушить наши чулки и башмаки. А кроме того, у меня разыгрался волчий аппетит.

— У нас тоже, — отозвался Касперль.

— Великолепно! — Хотценлотц похлопал себя по животу. — Я полагаю, что это легко уладить...

Неподалеку от пещеры стоял старый корявый дуб, каких много.

— Хотите, я вам кое-что покажу?

Хотценлотц надавил на нужное место в его стволе, и кора дуба распахнулась, словно створки шкафа. За нею находилась кладовая съестных при-

пасов: горшки с топленным салом, большие окорока, несколько жестянок с солониной, множество мешков сухарей, шесть колец салями, семь кругов сыра и восемь или девять копченых селедочек.

— А что в бутылках?

— Сливовица, — сказал Хотценплотц. — Лук и чеснок тоже под рукой — и перец, и паприку вы можете брать, сколько душе угодно.

С этими словами он извлек из-под ближайшего куста сковороду, они разожгли огонь и развесили чулки и башмаки для просушки.

— Теперь я устраю для нас настоящий разбойничий пир!

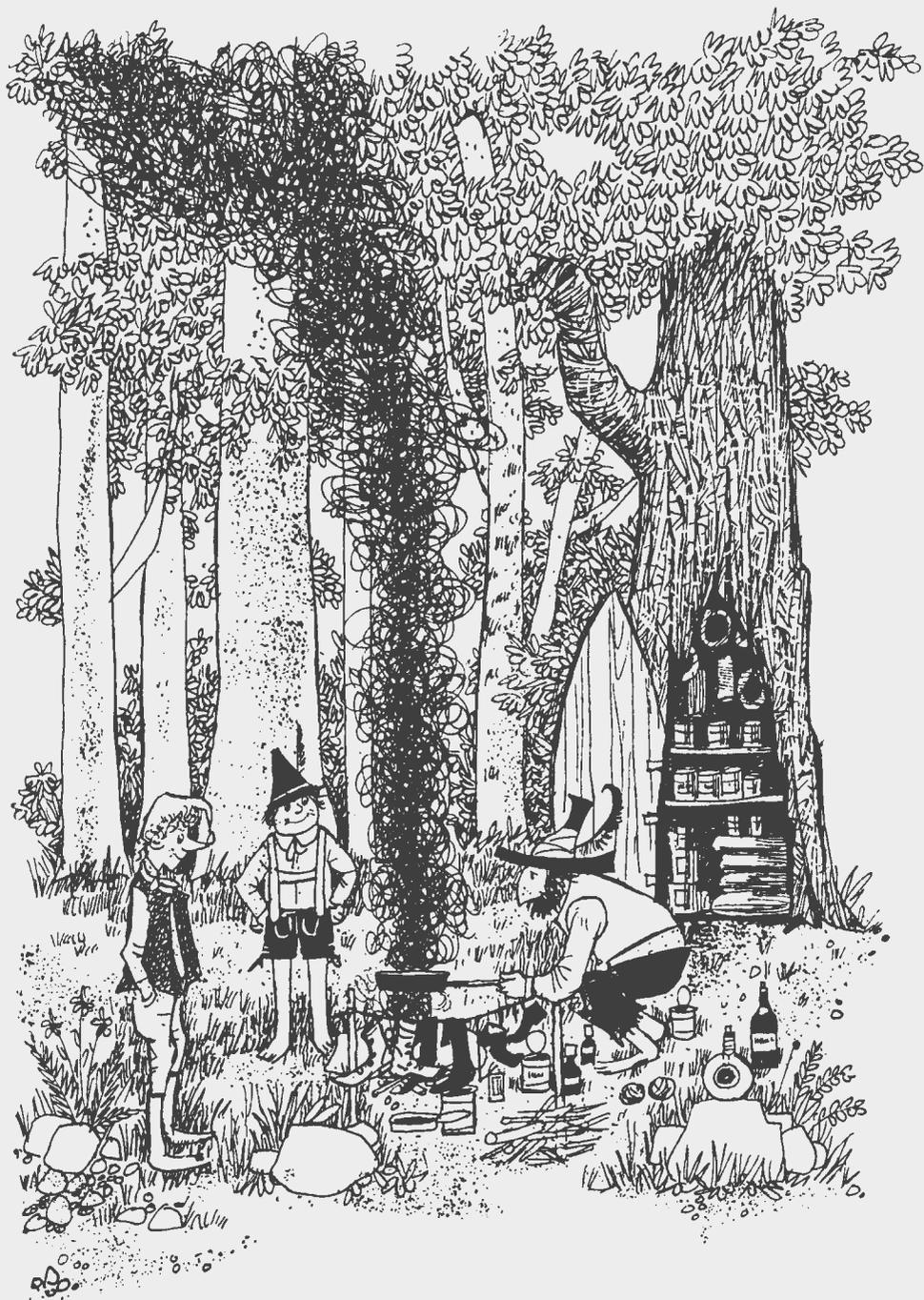
Хотценплотц схватился за пояс и остолбенел.

— Вы что-нибудь потеряли? — спросил Касперль.

— У меня больше ни одного ножа не осталось...

— Возьмите, пожалуйста, мой — я охотно одолжу его вам.

С помощью перочинного ножа Касперля он мелко накромсал всего понемногу: он перемешал все это на сковороде — и тотчас же аппетитный аромат пополз по лесу. У Касперля и Сеппеля потекли слюнки. Они едва смогли дождаться, когда наконец Хотценплотц снимет с огня сковороду. Он предусмотрительно поставил рядом со своим местом бутылочку сливовицы.

— Приятного аппетита!

Они ели разбойничьи яства прямо руками, что им особенно нравилось. Бабушка была прекрасной стряпухой, это оставалось вне всякого сомнения; но даже в самые праздничные праздники она никогда не готовила Касперлю и Сеппелю ничего столь же лакомого — с таким обилием лука и шпика, и прежде всего, с таким обилием чеснока.

— Меня, собственно говоря, удивляет, — сказал между двумя кусочками Касперль, — что вы, господин Хотценплотц, собираетесь отказаться от разбоя.

— Это нетрудно объяснить.

Хотценплотц отхлебнул из бутылки сливовицы.

— Ремесло разбойника имеет, несомненно, свои положительные стороны. Лесной воздух сохраняет молодость и здоровье; разнообразия хоть отбавляй; и коль скоро не сидишь в кутузке, то ведешь нестесненную и привольную жизнь — *однако...*

В этом месте он сделал паузу и позволил себе еще глоток сливовицы.

— Короче говоря: это дело стало для меня последнее время слишком утомительным. Ничего нет на свете докучливей, чем постоянно разыгрывать из себя лихого удалца! Быть обязанным беспрестанно совершать злодеяния, даже если душа у тебя к этому совершенно не лежит; беспрестанно

нападать на бабушек и красть велосипеды; постоянно быть начеку перед полицией — это изнуряет силы и сказывается на нервах, поверьте мне на слово! Да к тому же...

Хотценплотц сделал третий глоток.

— Да к тому же я по горло сыт этим разбойничьим существованием. Я рад, что с этим покончено, забодай меня комар, — конечно, я искренне этому рад!

— И? — спросил Касперль. — Что вы теперь думаете делать дальше, господин Хотценплотц? У вас уже есть определенные планы на будущее?

— Не-е-а, — сказал Хотценплотц. — Однако поживем — увидим.

Они начисто вылизали сковороду; потом принялись обсуждать между собой, какую профессию можно было бы подыскать для Хотценплотца. Это оказалось непросто, потому что, во-первых, он ничему, кроме разбоя, не выучился, — «и во-вторых, — полагал он, — больше всего подошла бы работа в лесу; если она не слишком тяжелая — и вдобавок интересная».

О рубке леса, таким образом, для него не могло быть и речи, о добывании торфа тоже, а о камнедробильных работах и подавно.

— Выбор-то невелик, — вслух размышлял Касперль. — Самой наилучшей профессией для вас,

вероятно, могла бы стать такая, какой еще совсем не изобрели, — скажем: учитель рисования в школе для деревьев...

— Может, вам разводить съедобные мухоморы! — предложил Сеппель. — Или выращивать консервированные лисички!

— Неплохо, — насмешливо улыбнувшись, подтвердил Хотценплотц. — Почему бы мне, к примеру, не производить мармелад из белены.

— Тогда уж лучше жаркое из бекасового помета!

— Маргарин из булыжников...

— Лимонадный порошок из поганок...

— А не проверить ли дело с ликером из муравьиных яиц?

— Если хотите знать *мое* мнение, — сказал Касперль, — то станьте регулировщиком на какой-нибудь звериной тропе — в перспективе, по прошествии не более полутора лет, будете произведены в главные регулировщики!

Так они наперегонки плели небылицы до тех пор, пока не истощили весь запас своего остроумия. Затем они принялись петь разбойничьи песни, а в перерывах между ними Хотценплотц рассказывал им о своих похождениях и приключениях — и как ему опять и опять выпадала удача оставлять полицию с носом, из года в год.

Это было весело и захватывающе.

За звучными байками да слушаньем они совсем не заметили, как быстро пролетело время.

Вдруг оказалось, что уже наступил вечер, их окружили сумерки, и Хотценплотц сказал:

— Теперь, я полагаю, вам следует отправиться домой, иначе у вас будут неприятности. Давайте-ка надевать чулки да башмаки и тушить костер — потом я провожу вас до окраины городка, чтобы по дороге домой вы, чего доброго, не попали в руки разбойников, ха-ха-ха-ха-а!

Когда они покинули лес, стало уже по-настоящему темно. Хотценплотц уже собрался было у первого уличного фонаря попрощаться с Касперлем и Сеппелем; но тут в глаза ему бросился огромный плакат, висевший невдалеке на заборе, огораживающем строительную площадку.

— Вот те раз! — воскликнул он. — Либо мне сливовица не пошла впрок — либо у меня что-то неладно с глазами. Это *мое* изображение висит там? — Он указал на плакат. — Или это *не* мое изображение?

— Да, — сказал Касперль. — Даже незрячий спиной увидит, что это *вы*.

— Ну? — спросил Хотценплотц. — Что же, съешь коршун все мои пуговицы, все это означает?

— Ровно ничего, — определил Сеппель. — Речь, видимо, идет про старое объявление о розыске преступника.

— Про объявление об обыске спутника! — с полным основанием возмущаясь, передразнил Хотценплотц. — Почему полиция не сняла его? Это ни в какие ворота не лезет!

Они рассмотрели плакат поближе — и Касперль едва не задохнулся от ужаса.

— Господин П-плотценхотц! — выдавил он из себя. — Э-это с-свежее объявление!

— Свежее, говоришь?

Касперль указал на дату, стоявшую в верхнем правом углу.

— Ну, тогда я вообще ничего уже не понимаю! Вчера отпустили — а сегодня уже опять публично разыскивают? Это, наверно, чья-то глупая шутка!

Они сообща прочитали-таки неразборчивый текст плаката. Его написал господин Димпфельмозер, черным фломастером на белой оберточной бумаге:

Разыскивается, с целью наискорейшего взятия под стражу одного, в по возможности кратчайший срок,

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ

Разыскиваемый тяжело вооружен и имеет несколько судимостей.

Особые приметы:

Черная разбойничья шляпа, глиняное, в верхней части отщепленно согнутое перо, колючая борода.

Этот социально опасный преступник поозреваетя в нижеследующих деяниях, караемых законом:

1. Взлом жилища вдовы Поруцикусулы Худобок, совершенный в ночь со вчера на сегодня.

2. Похищение принадлежащего вышеозначенной вдове предмета невосполнимой ценности. (Шар из горного хрусталя размером с кокосовый орех.)

Население всей округи, таким образом, призывается к сотрудничеству в поиске. Изданию на пользу делу сообщения будут рассматриваться по желанию в конфиденциальном порядке.

Сотрудник местной полиции
подписал: Димпфельмозер, Алоиз,
главный вахмистр полиции

Хотценплотц схватился за голову. Три раза пришлось Касперлю и Сеппелю прочитать ему вслух то, что черным по белому было написано под его изображением, прежде чем он поверил этому, — тогда он пришел в ярость.

— И как этому Димпфельмозеру в башку втемяшилось написать подобную чушь? Да разрази меня гром, если я хоть когда-нибудь заходил в дом госпожи Худобок! Но полиция, разумеется,

все лучше знает, черт бы ее побрал, — на то она и полиция!

Касперль попытался подбодрить его.

— Если это не *вы* были тем, господин Хотцен-плотц, кто украл шар, то это должен быть кто-то другой. Сеппель и я сделаем все, чтобы истина восторжествовала!

— Действительно?

— Даже если нам придется перевернуть вверх дном полмира!

Хотценплотц растроганно пожал друзьям руку, он заранее благодарил их за все усилия.

В этот момент до слуха их донесся велосипедный звонок: господин главный вахмистр полиции Алоиз Димпфельмозер собственной персоной завернул на велосипеде за угол.

— Скорее! — сказал Касперль Хотценплотцу. — Он ни в коем случае не должен видеть вас до тех пор, пока мы не переговорим с ним, иначе он тут же арестует вас!

Хотценплотц торопливо опустился на колени, уперся локтями в землю и втянул голову в плечи. Касперль и Сеппель уселись к нему на спину, как на скамейку, и облокотились о забор, окружающий строительную площадку. Господин Димпфельмозер издали увидел их, слез с велосипеда и направил на них свой карманный фонарик.

— Это ты, Касперль?

— Думаю, я.

— И Сеппель тоже тут?

— Зачем вы спрашиваете? — поинтересовался Сеппель. — Где Касперль, там и я.

— Тогда хорошо! — Господин Димпфельмозер выключил фонарик. — Бабушка уже вся извелась от страха за вас.

— Почему? — спросил Касперль.

— Потому что она с сегодняшнего утра ничего не знает о вас.

— Обо мне и Касперле? — спросил Сеппель.

Господин Димпфельмозер готов уже был потерять терпение.

— Вы что, не читали объявление о розыске преступника? Иначе вы должны были бы знать, что Хотценплотц совершил взлом у госпожи Худобок. Даже представить страшно, если б этот плут захватил вас, — уж вам бы несдобровать!

— Да вы же сами видите, что мы целы и невредимы, — возразил Касперль. — Впрочем, как именно вам пришла в голову мысль о Хотценплотце? Кто-нибудь видел, что он украл шар у госпожи Худобок?

— Это к делу не относится, случай ведь ясен как божий день. Для меня только он принимается в расчет в качестве виновника. Шар пропал — следовательно, полиции следует зорко следить за разбойником. Если уж у кого и были причины вломиться к госпоже Худобок — так это у него!

Касперль и Сеппель сделали попытку возразить господину Димпфельмозеру.

— Так сложились обстоятельства, но мы знаем это лучше! Мы вам клянемся, что Хотценплотц не имеет к похищению хрустального шара никакого отношения. Он невиновен!

— Чепухенция на постном масле!

Господин Димпфельмозер резко оборвал их, он не позволил им договорить до конца.

— Отправляйтесь-ка домой со своими рассказями — к бабушке! Мне пора уже на боковую. Завтра утром Васьти и я возьмемся за дело вместе: и где бы Хотценплотц ни скрывался — мы до него доберемся и подвергнем справедливому наказанию. Это я вам обещаю так же точно, как то, что я вне очереди произведен в главные вахмистры.

Он побряцал саблей.

— Вы дадите мне честное слово, что тотчас же отправитесь домой?

— Самое честное-пречестное, господин важный главмистр!

Господин Димпфельмозер оседлал велосипед. Мощно надавил на педали и был таков. Приятели дождались, пока не скрылся из виду задний фонарь, потом поднялись.

— Мы снова в безопасности, господин Хотценплотц.

Кряхтя и охая, бывший разбойник выпрямился и потер себе поясницу.

— Ну и тяжелехоньки же вы оба, скажу я вам. А Димпфельмозер мог бы, по крайней мере, прислушаться к вашим словам! Коли он с Худобоко-

вым Васйти затеет на меня охоту, то сидеть мне снова в кутузке: голову даю на отсечение.

— Поживем — увидим! — рассудил Касперль. — Вам, естественно, ни в коем случае нельзя возвращаться в лес...

— А куда ж мне деваться? — спросил Хотцен-плотц.

— Идите-ка с нами! — предложил ему Касперль. — В бабушкином доме никому не придет в голову вас разыскивать: там вы до поры до времени будете в безопасности — а у нас с Сеппелем появится возможность как следует поразведать, что же в действительности случилось с шаром госпожи Худобок.

Бабушка сидела у окна и вязала. Она очень волновалась за Касперля и Сеппеля. Только бы с ними не случилось никакого несчастья!

Время от времени бабушка бросала взгляд на часы с маятником, висевшие на стене. «Уже половина девятого — а о них до сих пор ни слуху ни духу! Мало-помалу вся эта история начинает казаться мне просто невероятной».

Бабушка продолжила вязать дальше: две лицевые, две изнаночные — две лицевые, две изнаночные. Вдруг раздался стук в окно. Она схватилась за сердце и отложила вязание.

— Кто там?

— Это мы, — сказал со двора Касперль. — К сожалению, мы чуточку опоздали. Не сердись, пожалуйста!

Бабушка отворила им входную дверь.

— Слава Богу, что вы наконец дома! Ну и нагнали вы, однако, на меня страху!

Касперль кинулся бабушке на шею и принялся так целовать ее, что та едва не задохнулась. А Сеппель с Хотценплотцем между тем тайком проскользнули вверх по лестнице.

— Прекрати, Касперль, прекрати!

Бабушка наморщила нос и отвернулась от него.

— Мало того, что мне приходится полночи дожидаться вас — теперь от тебя к тому же разит чесноком! И где только вас черт носил!

— Это долгая история, бабушка: утро вечера мудренее.

Касперль так душераздирающе зевнул, что бабушка испугалась, а вдруг он уже вообще никогда больше не сможет закрыть рот.

— Может, вы перекусили бы чего-нибудь? Вы же, должно быть, очень проголодались.

— Проголодались? Да мы с ног валимся от усталости! Нам бы до постели добраться — вот единственное желание.

— Тогда спокойной ночи, — сказала бабушка. — И не забудьте почистить зубы! А я наберу еще несколько петель, да и тоже буду укладываться.

Сеппель с Хотценплотцем дожидались Касперля в спальне.

— Она заподозрила что-нибудь?

— Бабушка? — Касперль защелкнул изнутри щеколду. — Бабушка заметила, что я наелся чеснока, больше ничего.

Хотценплотц водрузил свою разбойничью шляпу на крючок для одежды рядом с дверью. Он распустил ремень, он расстегнул жилетку.

— Не знаю даже, как мне и благодарить вас!

И прежде чем друзья успели помешать ему, он извлек табакерку и от всей души угостился нюхательным табаком.

Дальше случилось то, чему и следовало бы случиться.

Хотценплотц изо всех сил чихнул. Оконные стекла зазвенели, лампа задрезбужала, бабушка, тяжело дыша, поднялась по лестнице.

— Касперль! — воскликнула она. — Это *ты* там так ужасно чихаешь?

Большим и указательным пальцами Касперль зажал себе нос.

— Прости, пожалуйста! — На слух можно было решить, будто у него сильный насморк. — Я, должно быть, простудился.

Хотценплотц чихнул еще раз.

— Может, дать тебе чего-нибудь, чтобы ты пропотел? — спросила бабушка из-за двери. — Как насчет чашечки ромашкового настоя?

— Нет, нет, — запротестовал Касперль. — Я чувствую себя уже значительно лучше...

Хотценплотц чихнул в третий раз, Сеппель вовремя набросил ему на голову одеяло с постели Касперля.

— Ты же слышишь, уже проходит.

— Как хочешь, Касперль.

Бабушка пожелала ему скорейшего выздоровления. Друзья подождали, пока она спустится вниз по лестнице и затворит за собой дверь гостиной; потом освободили своего гостя от одеяла.

— От нюханья табака вам, господин Хотценплотц, с этого момента придется воздержаться! — сказал Касперль. — Ни одна живая душа не должна догадаться, что вы находитесь в этом доме, — и даже бабушке ни-ни!

Хотценплотц был совершенно подавлен.

— С этого момента, — пообещал он друзьям, — вам представится случай услышать, как невероятно тихо я могу вести себя, черт побери!

Он сжал кулак — и не схвати его Сеппель за руку, он, в подтверждение сказанного, грохнул бы им по столу.

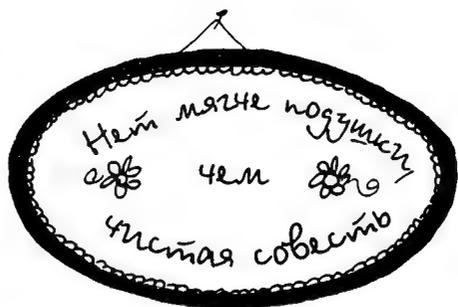
— Давайте-ка лучше спать! — предложил Касперль.

Он и Сеппель забрались в постель, для Хотценплотца нашлось место на диване.

— Надеюсь, он не слишком для вас короток?

— Напротив! Только мои ноги несколько длинноваты для него, однако это не самое страшное. Стало быть, спокойной ночи!

— Спокойной ночи, господин Хотценплотц!

Касперль погасил свет. Он улегся на спину, закинул руки за голову и принялся размышлять. Если они намерены попытаться убедить господина Димпфельмозера в невинности Хотценплотца, им следовало бы как можно скорее разузнать, что же случилось с магическим шаром.

«Сразу после завтрака мы отправимся к госпоже Худобок, — наметил он. — Если нам улыбнется счастье, мы отыщем в ее доме что-нибудь, что поможет нам выйти из затруднительного положения...»

С такими мыслями Касперль уснул, и ему приснился сон. Во сне он увидел себя идущим через сад госпожи Худобок. Ему навстречу, шаркая ногами, плывет в сопровождении Васи и вдова: в утреннем халате и войлочных туфлях, с бигуди

в волосах и, иначе это и представить себе невозможно, с толстой сигарой во рту.

Она курила столь отчаянно и рьяно, что чад дыма вокруг становился все гуще и гуще до тех пор, пока она не исчезла в нем вместе с Васьти. Потом налетевший порыв ветра разогнал дым прочь — и, о чудо: госпожа Худобок превратилась в фею Амариллис! Во всем золотом блеске и великолепии стояла она перед Касперлем и помахивала ему рукой.

От Васьти же и след простыл.

Какой-то маленький огнедышащий дракончик в траве вился юлой у ног феи. Он раздувал ноздри и вращал глазами. А кроме того, оглушительно фыркал и свистел.

Касперлю некогда было удивляться.

— Вот так удачная встреча! — воскликнул он. — Вы случайно не знаете, кто украл шар госпожи Худобок?

Фея, к сожалению, тоже не могла ему этого сообщить.

— Однако я знаю кое-что другое, — заявила она.

— И что же?

— Я знаю, что нужно сделать, чтобы избавить Васьти от его уродства.

— Серьезно? — удивился Касперль.

Фея Амариллис дружески кивнула.

— Дай ему известной травы, и все будет в порядке.

— Какой травы? — пожелал уточнить Касперль.

— Она тебе знакома, мой милый. Я должна только сказать тебе одно-единственное слово — будь внимателен...

Но прежде чем она успела закончить фразу, огнедышащий дракончик зарычал столь ужасно, что Касперль внезапно проснулся: Хотценплотц так храпел на своем диване, будто собирался сдуть под корень целый дубовый лес.

Бабушка, у которой был очень чуткий сон, поспешила к двери и постучала.

— Проснись, Касперль! Ты меня с ума хочешь свести своим храпом?

— Я? — спросил Касперль.

— Ну, может быть, это Сеппель! Не заразил ли ты его своим насморком?

— Очень возможно, бабушка. Тебя это удивляет?

— Мне в этом доме скоро вообще больше нечему будет удивляться, — сказала бабушка. — Не потрудишься ли ты, голубчик, объяснить мне, как можно спать при таком непрерывном храпе?

— Ты могла бы заткнуть уши ватой, — посоветовал Касперль. — Или прими какое-нибудь снотворное. Разве в твоём кухонном шкафу не осталось валерьяновых капель?

— Валерьяновых капель? Хорошо, попробую выпить их. Если к утру состояние Сеппеля не улучшится, придется пригласить врача.

Касперль обрадовался, когда услышал, что бабушка удалилась. Он бы и сам с удовольствием хлебнул валерьянки, потому что Хотценплотц продолжал храпеть дальше как ни в чем не бывало.

И надо же было им с Сеппелем впутаться в эту историю!

Касперль зажал себе уши. Через некоторое время ему посчастливилось снова уснуть — однако фея Амариллис, к сожалению, второй раз так и не появилась: а он-то был бы вовсе не прочь от нее услышать, какую такую траву она имела в виду.

Должно быть, валерьяновые капли подействовали неплохо, потому что на следующее утро бабушка не проснулась ни от трезвона будильника, ни от звонков разносчицы газет. Другим это оказалось только на руку: сегодня они поспали дольше, чем обычно. На завтрак они подали Хотценплотцу двенадцать жареных яиц. Затем Касперль упаковал для него краюху хлеба, кусок шпика, осьмушку сыра и кольцо копченой колбасы с тмином.

— Чтобы вы у нас не проголодались, господин Хотценплотц, — а теперь пойдете, пожалуйста, мы должны разместить вас. Когда мы с Сеппелем уйдем из дому, может случиться, что бабушка обнаружит вас здесь наверху.

— Это почему?

— Потому что она каждое утро поднимается сюда, чтобы проветрить постели и прибрать в комнате.

— Тогда я на это время спрячусь в шкафу, — предложил Хотценплотц.

— Э-э, вы плохо знаете бабушку! Уж разок заглянуть в шкаф она обязательно не преминет.

— А если мне забраться под диван?

— Там она наткнется на вас метелкой, когда будет подметать.

Хотценплотц чертыхнулся.

— Бабушка мало-помалу начинает меня пугать! Да есть ли во всем доме хоть уголок, где вы от нее в безопасности?

Касперль и Сеппель препроводили его в картофельный погреб.

— Сегодня пятница, — объяснил Касперль. — Поэтому к обеду у бабушки будет яблочный пирог из слоеного теста с корицей и сахаром.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Больше, чем вы полагаете, господин Хотценплотц!

Касперль все точно предусмотрел.

— Поскольку для яблочного пирога картофель не требуется, бабушке совершенно определенно не придет в голову спускаться сегодня в картофельный подвал. Разве это не ясно как дважды два?

Нельзя сказать, что Хотценплотц пришел в полный восторг от нового укрытия. Здесь внизу было мрачно и холодно — и какой же затхлый запах стоял в этой подвальной каморке!

— Если б я мог время от времени, по крайней мере, нюхать щепотку табаку...

— Даже не мечтайте, господин Хотценплотц! Касперль в знак протеста испуганно замахал руками.

— Лучше съедайте время от времени кусочек хлеба и немного шпика — или понюхайте тминную колбасу! Это протянется самое большее до сегодняшнего вечера!

— Ну, а если бабушка все-таки явится?

— Тогда вы заберитесь под пустые мешки из-под картошки и молчите как рыба — там вас никто искать не будет.

— Ладно, — пробормотал Хотценплотц. — Вы пожелаете мне успеха?

— Ни пуха ни пера!

Касперль и Сеппель заперли подвал снаружи. Они взяли из сарая садовый шланг и обильно полили водой дорожки вокруг бабушкиного дома: даже Васйти с его нюхом не должен был почуять, что Хотценплотц находится поблизости.

Затем они оставили на кухонном окне записку:

Мы у госпожи Худобек
ждем нас к обеденному столу,
до встречи сегодня за обедом.
P. S. Если мы опоздаем —
не беспокойся
бабушка!

Собственно говоря, Касперль наметил себе сообщить Сеппелю о том, что во сне ему являлась фея Амариллис; но мысли их в эту минуту заняли посторонние вещи, и это оказалось более важным.

У ворот сада госпожи Худобок друзья повстречались с господином Димпфельмозером и Васью, которые куда-то ужасно спешили.

— Теперь-то мы возьмем за шиворот разбойника Хотценплотца. Пусть этот негодяй приготовится к самому худшему, когда мы на пару схватим его — а уж мы-то его схватим, как пить дать!

— Желаем удачи! — проронил Касперль. — И где же вы собираетесь начать охоту?

— В лесу возле разбойничьей пещеры. Там мы выйдем на его след — и самое позднее сегодня вечером он будет сидеть в кутузке.

— Гав-гав! — подтвердил Васьти, в нетерпеливом неистовстве дергая при этом поводок. «Для меня и полиции это сущие пустяки».

Госпожа Худобок восседала у окна в кресле с подлокотниками, окруженная клубами табачного дыма; она едва ответила на приветствие Касперля и Сеппеля.

— Вы разрешите, госпожа Худобок, — Сеппель и я хотели бы задать вам несколько вопросов...

— Несколько вопросов?

— Мы должны разгадать, кто на самом деле стащил ваш шар.

Госпожа Худобок передвинула сигару из одного уголка рта в другой.

— Это сделал Хотценплотц — и никто другой!

— Кто это утверждает?

— Это утверждает полиция — и я тоже. Разбойник остается разбойником!

— Мы с Сеппелем придерживаемся на этот счет другого мнения, — возразил Касперль. — Господин Димпфельмозер не профессор Всезнайкин. Не подскажут ли вам что-нибудь ваши карты?

— Мои карты? — Госпожа Худобок грустно покачала головой. — Я могу гадать для других, но не для себя самой. Карты ли, кофейная ль гуща: когда речь заходит о моих собственных делах, тут я бессильна.

— Жаль! — воскликнул Касперль. — Тогда давайте-ка посмотрим, не сможете ли вы помочь нам другим способом! Вы уже дали все официальные показания господину Димпфельмозеру для протокола?

Госпожа Худобок стряхнула пепел с сигары.

— Я действительно должна еще раз повторить вам все сказанное?

— Безусловно! — сказал Сеппель.

— Ну хорошо — тогда слушайте!

Госпожа Худобок закрыла глаза и собралась с мыслями.

— Позавчера вечером, — приступила она, — я оставила хрустальный шар на столе в гостиной — для ускорения дела. Вы знаете, что я пообещала господину Димпфельмозеру продолжить наблюдение за разбойником наутро.

— Вы специально не захотели поставить будильник на четыре часа утра? — спросил Касперль.

— Это была большая ошибка!

— Как нам следует понимать это, госпожа Худобок?

— Потому что осенью в это время все равно еще темно, — а этого-то я и не предусмотрела.

Она несколько раз затянулась сигарой, после чего со вздохом продолжила:

— Поскольку я все равно бодрствовала, то приготовила Вассти завтрак: морковь с кружочками лука и петрушкой, полную до краев миску. Потом я приоткрыла для него входную дверь, как каждое утро, и уселась в кресло с подлокотниками в ожидании дневного света.

— А потом?

Госпожа Худобок опустила взор.

— Ну да — я уснула, — призналась она друзьям. — И когда проснулась, это было, вероятно,

около девяти часов, шар со стола исчез. Хотцен-плотц наверняка украл его за это время.

— А Васьти? Почему он не залаял? — уцепился Касперль. — Он-то ведь должен был бы схватить разбойника!

Госпожа Худобок резко пододвинула к себе пепельницу и вдавила в нее сигарный окурок.

— Когда я сплю — я сплю. Разве не может стать-ся, что и Васьти после завтрака тоже немножко прилег вздремнуть? Кто вправе за это на него обижаться, на моего славного песика?!

Касперль и Сеппель объяснили госпоже Худобок, что они должны самым тщательным образом осмотреть весь дом. Вполне может быть, что господин Димпфельмозер упустил какую-нибудь важную улику.

Вдова была согласна на все.

— Главное, чтобы нашелся шар! Без него я все одно что колбасница без колбасы — если вы понимаете, что я имею в виду.

Касперль и Сеппель перерыли весь дом от чердака до погреба. Они заглянули в каждый шкаф и во всякий угол за печкой. Посмотрели под креслом госпожи Худобок, сунули нос в сундук для белья, в корзиночку для рукоделия, в коробку с сигарами и на стенную полку, где стояла посуда.

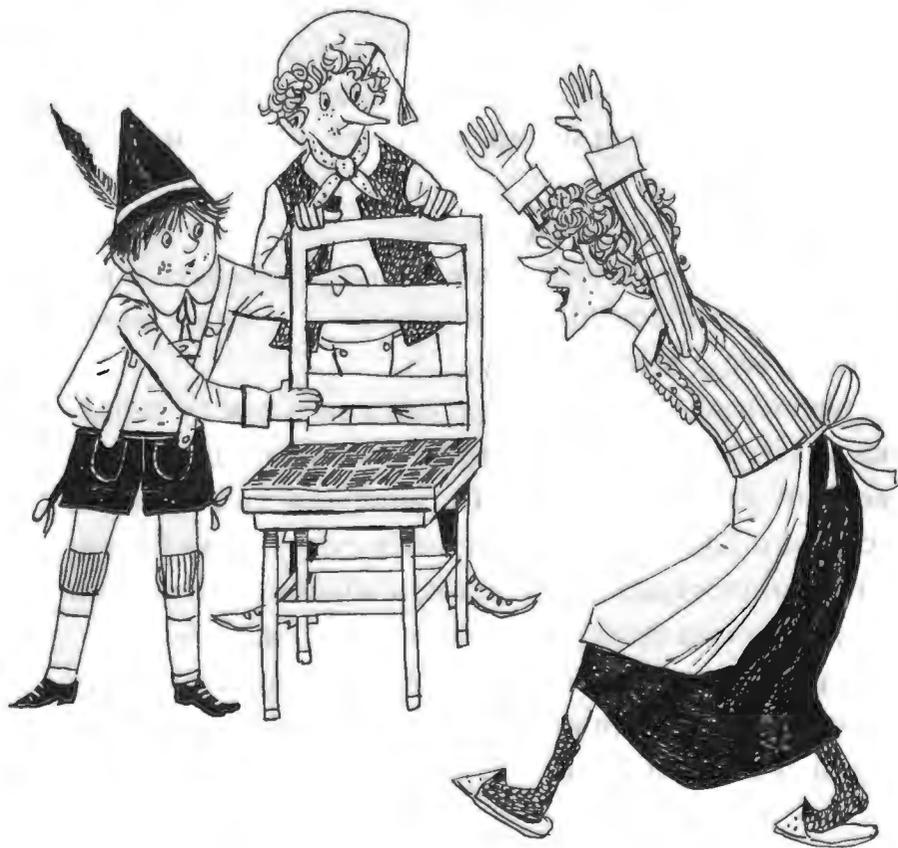
Время уже приближалось к одиннадцати, а они все еще ничего не обнаружили, — когда прибежала бабушка.

— Полиция! — кричала она. — Полиция!
Здесь нет господина Димпфельмозера? Я должна
сделать заявление, меня обокрали, я ограблена!
Полиция! Полиция!!

Она была совершенно вне себя, Касперль и Сеп-
пель пододвинули ей стул.

— Присядь сначала, бабушка, — и потом успо-
койся, пожалуйста!

Бабушка сдула со лба волосы.

— Этот Хотценплотц! Этот негодяй все же побывал в моем саду и у меня...

Она задохнулась от негодования.

— Он украл у меня с компоста две тыквы!

— Две тыквы?

— Позавчера еще все двадцать были на месте — и вот сегодня двух не хватает! Двух маленьких.

— Ты разве их пересчитывала? — спросил Касперль.

— А как же! Я считаю их через день, — сказала бабушка. — Ну не стыдно ли, что Хотценплотц расхаживает на свободе и ворует тыквы? Господин Димпфельмозер должен немедленно арестовать его!

— Вы высказали мое сокровенное желание! — с волнением проговорила госпожа Худобок. — Ну и порядки — просто мороз пробирает от страха!

Касперль и Сеппель покатались со смеху.

— Вы, может быть, растолкуете мне, — воскликнула бабушка, — чем мне следует объяснить ваш глупый хохот?

— С удовольствием! — сказал Касперль. — Хотценплотц никакого отношения не имеет к тыквам — это были мы с Сеппелем!

Бабушку охватило горькое разочарование.

— Вы оба, ты говоришь?

— Мы прихватили их для Васьти. Кто ж мог предполагать, что ты эти штуковины пересчитываешь!

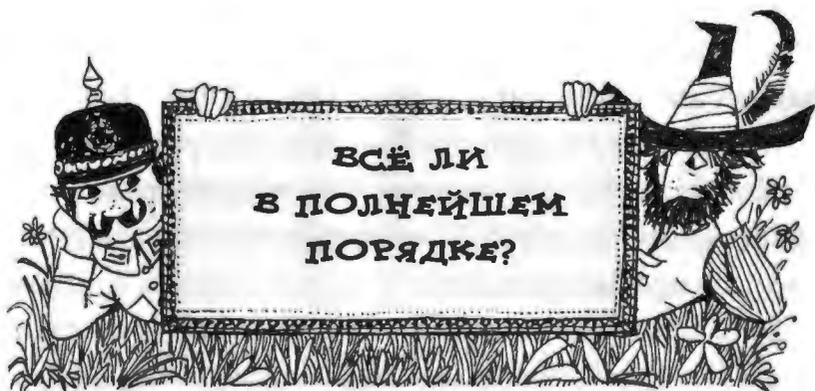
— На то имеются свои причины, — возразила бабушка. — В любом случае я выращивала свои тыквы не для Васьти, заметьте это!

— Однако они ему, во всяком случае, пришлись по вкусу! — в свою очередь возразил ей Сеппель. — Одну он мигом слопал, а вторую, видела бы ты это: второй он принялся играть в мордобол! Я говорю тебе, бабушка...

— Мордобол? — вскричал Касперль так, будто его оса ужалила. — Мордобол!

При этом сообщении Сеппеля его озарила одна мысль.

— Хотите знать, госпожа Худобок, кто утащил со стола шар? Вы будете поражены!

Касперль стрелой вылетел за дверь и устремился в сад. Госпожа Худобок, Сеппель и бабушка поспешили вслед за ним.

— Да что это с ним? Зачем он полез в конуру Васьти, Сеппель?

— Сейчас увидим, госпожа Худобок.

Касперль скрылся в собачьей конуре. Они услышали, как он роется в соломе, затем он прокричал:

— Я нашел его! Я нашел его!

Он задом выполз наружу. В руках он держал чудесный шар госпожи Худобок.

— Это он?

— Да, это он!

По щекам госпожи Худобок потекли слезы.

— До такого я бы никогда в жизни не додумалась, ох-хо-хо-о, что Васьти, мой милый песик Васьти...

— Он, должно быть, принял его за тыкву, — объяснил Касперль. — Вам не следует за это на него обижаться.

— Ну как бы я могла? — вскрикнула госпожа Худобок. — Какое счастье, что он не пытался разгрызть его! Он мог бы сломать себе все зубы, солнышко мое бедненькое!

Она, проверяя, подняла шар на солнечный свет.

— Ни одной трещины, как я вижу, и ни единой царапины... Только совсем замутнел с тех пор, как Васьти укатил его из комнаты. Теперь пройдет несколько дней, пока его снова можно будет использовать, — однако я без сожаления примирюсь с этим.

Госпожа Худобок промокнула веки полой утреннего халата.

— Таким образом, вне всякого сомнения, — сказал Касперль, — что Хотценплотц не крал ни шара госпожи Худобок, ни бабушкиных тыкв. В этом даже полиция может не сомневаться!

— А посему, — воскликнул Сеппель, — нам следует как можно скорее выпустить Хотценплотца из его укрытия! Он и так достаточно долго просидел в картофельном подвале.

— Где? — спросила бабушка.

Касперль и Сеппель поспешили рассказать, что вчера и сегодня им пришлось пережить с Хотцен-

плотцем: как он убедил их в том, что его благие намерения серьезны, и как они предприняли попытку защитить его от господина Димпфельмозера.

— Но тогда бежим, не теряя ни секунды! — воскликнула бабушка. — Как представляю себе, что он с сегодняшнего утра заперт в подвале, —

так это почти столь же скверно, как сидеть в пожарном депо!

Касперль и Сеппель стремительно кинулись впереди пожилой дамы. Калитка на задах сада была открыта настежь, в спешке они даже не обратили на это внимания. Они ворвались в дом и закричали:

— Господин Хотценплотц! Всё в полнейшем порядке. Вы можете выходить!

Перед дверью в картофельный погреб они остановились как вкопанные. Замок был выломан, должно быть, кто-то бросался на него изнутри.

— Вот те раз! — чертыхнулся Касперль. — Это выглядит не очень красиво... — Спотыкаясь, они сломя голову кинулись в подвал и огляделись по сторонам.

— Вы слышите нас, господин Хотценплотц? Никакого ответа.

— Не бойтесь, пожалуйста, это *мы*!

Касперль и Сеппель отбросили в сторону пустые мешки из-под картофеля. Они заглянули во все углы, в каждый закуток: погреб был пуст.

Тут они вдруг обнаружили на стене надпись.

Нацарапанное куском угля, там крупными, неуклюжими буквами значилось:

Я РИШИЛ СИБЕ СТАТЬ
ЗАЛАТАИС КАТЕЛЕМ В ОМЕРИКУ
НИ СИРЯИТЕСЬ НА МИНЕ, МИНЕ
НИЧИВО ДРУГОВА НИ
ХОД ЗЕНБЛОЯЦ АСТАЕЦА:

Касперль и Сеппель прочитали надпись один раз, они прочитали ее два и три раза — ничего не изменилось. Что было там написано, то и осталось: Хотценплотц действительно нацарапал это, собственноручно.

Вот так сюрприз!

— И что это только взбрело ему в голову? — спросил Сеппель. — Мы же обещали, что постараемся ему помочь!

— Далеко уйти он не мог, — решил Касперль. — Мы должны догнать его, чтоб образумить! Теперь дорога каждая минута!

Они стремглав взлетели по лестнице из подвала. Они чуть не сбили с ног бабушку и госпожу Худобок, которые в это мгновение входили в дом.

— Какая муха вас укусила? Вы не могли бы быть поосторожнее!

Касперль не тратил много времени на объяснения.

— Хотценплотц! — прокричал он на ходу. — Он собрался в Америку!

Бабушка и госпожа Худобок проводили друзей недоуменными взглядами.

— Разве когда-нибудь толком разберешь эту парочку? Просто беда с ними — я вам передать не могу, госпожа Худобок!

В каком направлении отправиться Касперлю и Сеппелю? Имелись три проселочные дороги, которые выводили за пределы городка: на юг, на север и на восток, — и более дюжины полевых тропинок.

— Давай посчитаемся по пуговицам, — предложил Сеппель. — Все равно ведь не унюхаешь, в какую сторону он пошел.

— Хорошо бы унюхать! — сказал Касперль.

— Нам следует, не откладывая, отправиться в лес к господину Димпфельмозеру и привести Васьти — тогда ты только диву дашься, как быстро он выведет нас на след!

Чтобы добраться до леса, им пришлось бы бегом пересечь полгорода. У входа в полицейский участок господин Димпфельмозер оставил свой велосипед.

— Послушай! — сказал Касперль. — Эта штука здесь как по заказу — мы с ней сэкономим массу времени!

Велосипед был накрепко привязан к стойке.

Ну и что из этого! Для чего у Касперля перочинный ножик?

Чик-чик! И веревка была перерезана.

Теперь они помчались со скоростью ветра: Касперль в седле, Сеппель на багажнике.

— Осторожно, не свались!

Они несколько раз проехали лесную дорогу туда и обратно. Касперль до тех пор нажимал левой рукой на велосипедный звонок, пока у него не заболел большой палец, — и оба во все горло кричали:

— Господин Димпфельмозер! Господин Димпфельмозер! Где вы? Идите сюда! — Только слышал ли их господин Димпфельмозер?

От непрерывных криков они постепенно теряли голос, когда услышали вдали собачий лай. «Гав-гав!» — раздавалось в лесу.

— Это, должно быть, Васьти!

Касперль сунул два пальца в рот и свистнул, а Сеппель прокричал:

— Васьти, сюда! Беги к нам!

Лай вскоре приблизился. Вот уже слышен стал хруст веток, вот что-то зашелестело в кустах на обочине дороги: Васьти пулей выскочил из зарослей.

Перебирая лапами, он бросился на грудь Касперлю и Сеппелю — затем отскочил от них и жалобно заскулил.

— Да что с тобой? — спросил Касперль.

— Ва-ууу! — визжал Васьти. — Ва-ууу, ва-ууу-у!

Он поджал хвост, отбежал на несколько шагов в сторону — в том направлении, откуда он появился. Затем повернулся, прибежал обратно и вновь разразился визгом.

Игра повторилась несколько раз.

Касперль и Сеппель никак не могли взять в толк, что это значило, пока им не бросилось в глаза нечто, на что они до сих пор не обращали внимания: собачий поводок!

Он волочился за Васьти по лесной почве.

Тогда Касперля осенило.

— Где ты оставил господина Димпфельмозера? С ним что-нибудь случилось?

— Гав-гав! — пролаял Васьти, как будто только и ожидая вопроса Касперля. — Гав-гавгавгав!

Друзья спрятали велосипед за ближайшими кустами лесного орешника. Касперль ухватился за собачий поводок, и Васьти потащил его через лес: мимо разбойничьей пещеры, сломя голову, к краю болота.

Поодаль, прямо в болоте, стоял господин Димпфельмозер и звал на помощь.

Он отчаянно размахивал руками, каска у него сползла набекрень, его лицо было пунцовым от испуга.

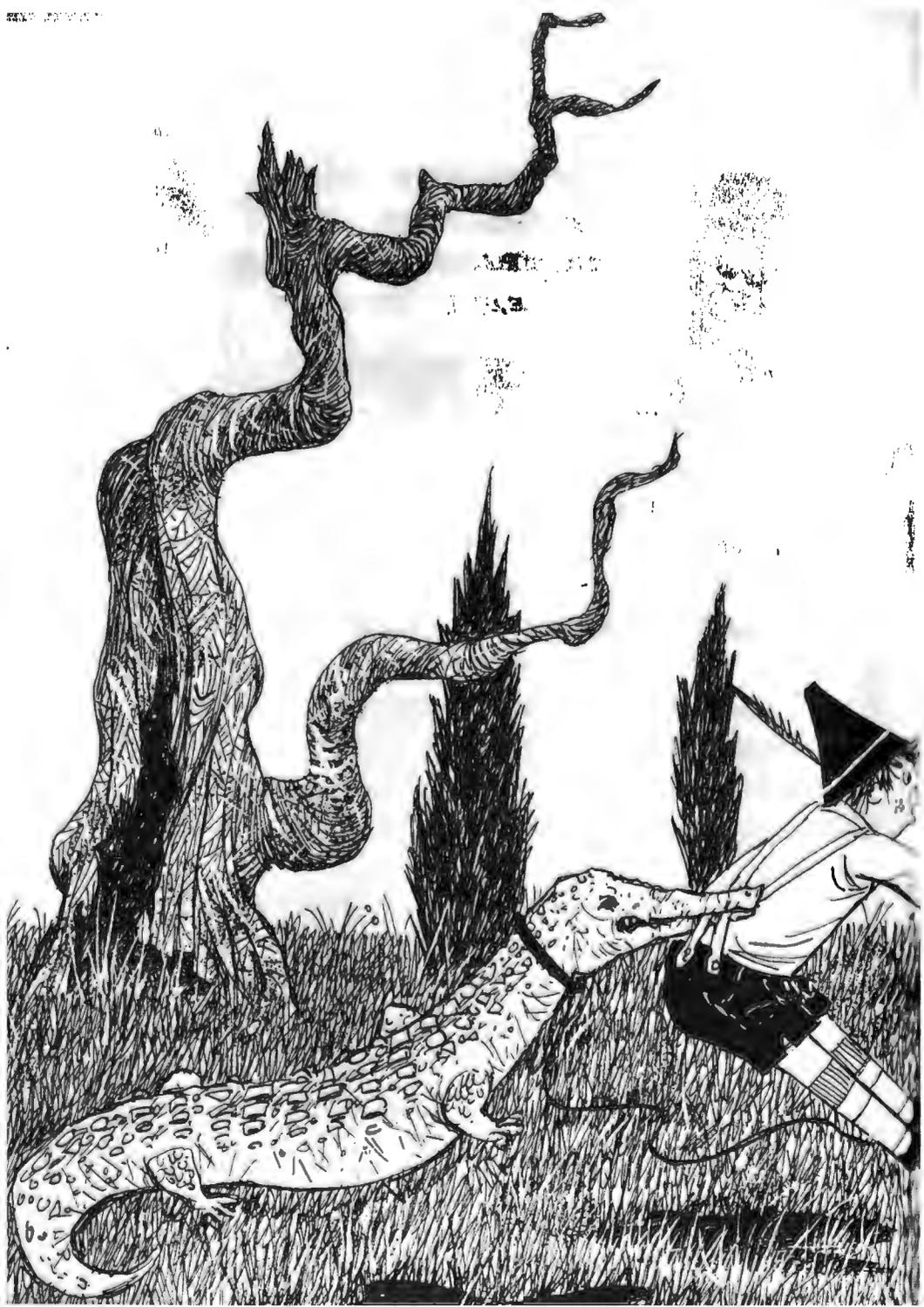
— Эй! — крикнул Касперль. — Что с вами?

— Вы не видите, что я увяз в трясине? Помогите-ка мне выбраться отсюда, иначе я погиб!

В поисках Хотценплотца Васьти, должно быть, напал на вчерашний след.

Это Касперлю и Сеппелю было ясно.

А господин Димпфельмозер?

Он, по всей вероятности, сбился в пылу с дороги; тут оказалось достаточно одного неверного шага, чтобы угодить в затруднительное положение.

— Погодите, пожалуйста, мы постараемся подобраться как можно быстрее!

Осторожно ступая, друзья двинулись вглубь болота. Теперь только без лишней спешки! На каждом шагу следовало быть дьявольски внимательным.

— побыстрее! — крикнул господин Димпфельмозер. — Если вы не поторопитесь, я утону здесь со всеми потрохами! Кто должен будет тогда ловить разбойника — и как госпожа Худобок получит назад свой шар?

— Насчет этого вы можете не беспокоиться, — проговорил Касперль. — Шар госпожи Худобок мы давно нашли. Его увел вовсе не Хотценплотц, а Васьти. Что вы на это скажете?

Но в этот момент у господина Димпфельмозера были совсем иные причины для беспокойства. Он уже по самые икры погрузился в тину — и с каждой секундой, он это чувствовал, погружался все глубже.

— Вы так и будете наблюдать, как меня поглотит болото? Помогите мне выбраться отсюда, друзья мои, — помогите же мне!

Касперль и бровью не повел.

— Давайте все по порядку. Поговорим-ка прежде о Хотценплотце.

— Нашел время! — завопил господин Димпфельмозер. — Я умоляю тебя.

— Почему бы нет?! — возразил ему Касперль. — Хотценплотц не крал хрустальный шар, это точно доказано. Вы нам даете слово, что отныне оставите его в покое?

— Мое большое, административное, честное слово сотрудника местной полиции — если только вы меня вызволите отсюда!

— По рукам! — сказал Касперль.

Он ухватил господина Димпфельмозера за оба запястья, Сеппель вцепился пальцами в ремень

Касперля, а Васьти, недолго думая, схватил Сеп-пеля за подтяжки.

— Раз, два — ухнем! Раз, два — ухнем!

Ну и трудная это оказалась работенка — вытащить господина Димпфельмозера из трясины, но она все же была выполнена. Правда, сапоги и гольфы его остались в болоте, этого было не избежать.

— Жизнь и босиком кое-чего стоит, — констатировал Касперль.

Господин Димпфельмозер вытер рукавом пот со лба.

— Благодарю вас — это было избавление от страшной беды! А что теперь?

Они вывели его обратно на край болота.

— Теперь вы отправляйтесь, пожалуйста, домой, господин Димпфельмозер, и хорошенько попарьте ноги, чтобы, Боже упаси, не схватить насморк.

— А вы?

— Мы оба и Васьти уладим все остальное. Если нам повезет, то все пойдет как по маслу.

— Гав! — высказал свое мнение Васьти. — Гав! Гав!

Это на собачьем языке означало: «Уж будьте в этом уверены, господин главный вахмистр!»

Они оставили господина Димпфельмозера в лесу и помчались к дороге, где спрятали велосипед. Сеппель усадил Васюти с собой на багажник — и с этого момента они понеслись так, что только педали замелькали.

У задней калитки бабушкиного сада они спустили Васюти на землю, и Касперль крепко обмотал конец поводка вокруг левого запястья.

— Ищи Хотценплотца, Васюти! Ищи Хотценплотца!

Крокодиловый пес не заставил себя долго упрашивать. Он понюхал здесь, он принюхался там, потом коротко и резко пролаял: «Гэв-гэв!» — и так стремительно припустил с места, что Касперлю пришлось изо всех сил перебирать ногами, чтоб поспевать за ним.

Сначала они обследовали проселочную дорогу, ведущую на север, хотя Америка, как им было

известно, лежала в западном направлении, — потом Васьти свернул на полевую тропинку.

Касперль готов был уже вывалиться от усталости из седла.

— Давай-ка я покручу педали! — предложил Сеппель.

С этого момента они менялись местами через все более частые промежутки времени.

Васьти, напротив, сохранял резвость и свежесть, он мчал на своих коротеньких ножках, словно в семимильных сапогах.

Они катили через лес и поле: какое-то время в гору, какое-то время под гору, какое-то по плоской равнине — и внезапно друзья заметили, что очутились в местности, где им уже случалось когда-то побывать.

— Погляди-ка! — воскликнул Касперль.

Он указал на колючую изгородь, вившуюся вокруг кучи битого кирпича и черепицы. Охваченные трепетом, они бросили взгляд на печальные развалины бывшего волшебного замка Петросилиуса Цвакельмана.

— А помнишь, как мы чистили для него картошку? — спросил Сеппель. — Слава Богу, что его уже нет на свете, этого великого и злого волшебника Вакельцана!

Теперь Васьти избрал путь к Вересковому холму.

Вот так сюрприз для Касперля!

По-прежнему ли на месте старая ель, которая одиноко стояла возле черного пруда? Там он сидел тогда в ожидании восхода луны.

— Ты представить себе не можешь, Сеппель, как я был рад, когда мне навстречу из-под ели засверкала феяная трава: чисто серебристые, хрупкие стебли с серебристыми же нежными листочками...

Касперль отдался воспоминаниям.

— Одного небольшого пучка этой травы было достаточно, чтобы освободить фею Амариллис

от заколдованности — после семи-то лет, проведенных в лягушачьем болоте! Впрочем, она вчера являлась мне во сне. И знаешь, что она сказала?

— Берегись! — вскричал Сеппель. — Мы сейчас врежемся прямо в дерево!

Касперль едва успел увернуться.

— Ну, это уж слишком! — пробурчал Сеппель. — Вместо того чтобы разглагольствовать о вчерашнем сне, ты бы лучше внимательней следил за дорогой!

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда Касперль и Сеппель, вспотевшие и усталые, добрались до Верескового холма. Прислонившись к огромному валуну, в вереске сидел какой-то человек. Силуэт его отчетливо выделялся на фоне светлого вечернего неба: на голове его была разбойничья шляпа — а на шляпе длинное перо.

— Господин Хотценлотц!

Касперль и Сеппель соскочили с велосипеда и без промедления бросились к нему!

— Почему вы убежали, господин Хотценлотц, когда все уже пошло как по маслу! Не хотите ли вернуться?

Хотценлотц так старательно потер себе подбородок, что захрустела щетина.

— Вы прочитали то, что я написал вам на стене картофельного подвала?

— Подумаешь! — сказал Касперль. — История с хрустальным шаром давно разъяснилась. Теперь вам нечего больше бояться — даже полиции!

— Гав! — подал голос Васьти, словно бы подтверждая слова Касперля.

Хотценплотц сдвинул шляпу на затылок.

— Я ведь знаю, что вы оба хорошего обо мне мнения, но все остальные? Всякое жульничество, которое отныне произойдет в наших краях, — люди будут валить его на *меня*! И этого еще недостаточно — или, может быть, вы посоветуете, чем мне следует заняться в будущем? Я совершенно серьезно размышляю об этом. Ведь нужно же, в конце концов, жить на что-то, вы согласны?

Касперль и Сеппель торжественно поклялись, что собирались поразмыслить об этом.

— Уж мы-то что-нибудь непременно придумаем, господин Хотценплотц!

Хотценплотц горько рассмеялся.

— Вы это госпоже Худобок тоже обещали — но, несмотря на это, Васьти по-прежнему остается крокодилом!

Что друзья могли ответить ему на это?

— Всеу свое время, — заявил Касперль. — Может статься, что с помощью лечения травами мы еще добьемся успеха.

— Да ты ведь этому сам не веришь!

Вокруг совсем стемнело, и вскоре взошла луна: огромная, желтая, спелая сентябрьская луна, круглая и полная.

Касперль вспомнил о сне с феей Амариллис, он начал рассказывать. Хотценплотц, Сеппель и Васьти, затаив дыхание, слушали его; и когда Касперль закончил свою историю, Сеппель схватил его за руку.

— Ничего не могу с собой поделаться! — воскликнул он. — Разве фея могла иметь в виду что-нибудь иное, кроме фейной травы?

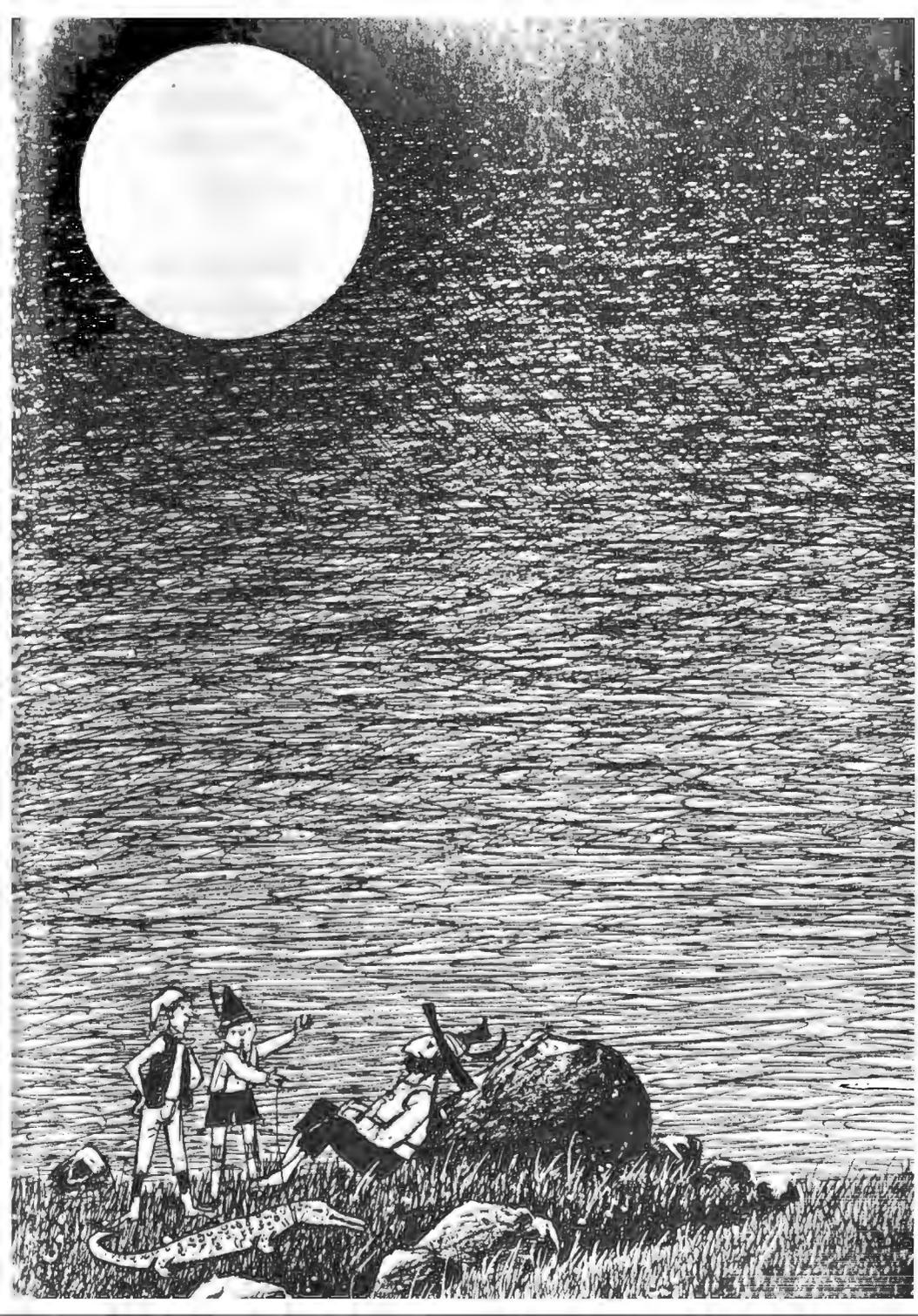
— Послушай! — сказал Касперль. — И каким же дураком я был, что не понял этого раньше! Давай-ка попытаем счастья, а, Васьти?

Крокодиловый пес мгновенно сорвался с поводка. С громким лаем он стремглав ринулся к старой ели у черного пруда. В основании дерева серебристо засверкала перед ним фейная трава. Он зарылся мордой в траву — и внезапно старая ель от корней до макушки озарилась лучистым светом.

— Смотри-ка, смотри!

Это длилось едва ль полмгновенья, потом фейная трава произвела свое действие, и сиянье погасло.

Когда-то давным-давно Васьти Худобок был превращен в крокодила. В обличии веселой ма-

ленькой длинношерстной таксы он ныне возвратился обратно: с развевающимся по ветру хвостом и болтающимися ушами.

— Гав-гав-гавгав!

Его морда, к бесконечному их удивлению, светилась в ночи, словно выкрашенная серебряной краской. Он, по-видимому, схватил слишком много фейной травы.

— Ну, что вы теперь скажете, господин Хотценплотц? — спросил Касперль.

— Теперь мне больше сказать нечего!

Хотценплотц потрепал Васьти по шерсти. Потом поднялся из зарослей вереска и крепко подтянул пояс.

— Знаете что?

С этими словами он одной рукой обнял за плечи Касперля, а Сеппеля другой.

— Если вы полагаете, что мне лучше не ехать в Америку, тогда я в Америку и не поеду! Однако потрудитесь придумать мне какое-нибудь занятие, слышите, — с тем чтобы мне не пришлось однажды возвращаться снова к старому разбойничьему ремеслу!

Васьти освободил Касперля и Сеппеля от ответа. Он потерся о ногу Хотценплотца и высказался:

— Гав-гав!

На языке такс это означало, что он был готов сунуть свой хвост в огонь за Касперля и Сепеля.

Около полуночи Касперль и Сеппель вместе с Васйти пришли домой. Хотценплотц предпочел заночевать в своей пещере. Там он мог храпеть сколь душе угодно громко, не вынуждая бабушку принимать валерьяновые капли.

Велосипед он прихватил с собой, собираясь по пути домой поставить его у полицейского участка.

Бабушка сидела в оконной нише, склонившись над носком, который она вязала. Когда Касперль и Сеппель постучали в окно, она в испуге вскочила.

— И где вас только носит! — воскликнула она. — С самого обеда я дожидаясь вас с яблочным пирогом, а вы все не являетесь!

Носовым платком она промокнула себе лоб и виски.

— А это еще что? Где вы подцепили чужую таксу?

— Ах, бабушка! — сказал Касперль. — Ты не поверишь — да это же Васьти Худобок!

— Кто? — спросила бабушка.

— Да, ты такого, конечно, не ждала!

Касперль и Сеппель поведали ей, что произошло на Вересковом холме. Это заметно смягчило настроение пожилой дамы, она принесла яблочный пирог.

— Он, конечно, немного остыл, к сожалению, но я все же думаю, что он тем не менее придется вам по вкусу.

В то время как наши приятели разделялись с пирогом, бабушка тихонько почесывала голову и уши Васьти.

Стенные часы приготовились бить.

— Боже мой! — сказала бабушка. — Уже полночь! Теперь быстро в постель!

Васьти провел ночь на диване в спальне Касперля и Сеппеля, мягко расположившись на сложенном в несколько раз пуховом одеяле. Он спал как сурок. Его серебристая мордочка наполняла комнату приветливым светом. Проснувшись среди ночи, Касперль и Сеппель решили, что это сиянье луны.

Они проспали до позднего утра.

После завтрака друзья отправились к госпоже Худобок. «Сообщите ей эту новость как можно бе-

режнее!» — заклинала их бабушка. Поэтому они спрятали Васьти в бабушкину дорожную сумку.

Госпожа Худобок отворила им садовые ворота.

— Это вы? — спросила она. — Я, собственно говоря, ждала господина Димпфельмозера. Я одолжила ему Васьти, и он обещал вернуть его обратно не позднее сегодняшнего полудня. Ну заходите, не стесняйтесь!

Друзья завели с госпожой Худобок разговор о погоде и беседовали о всякой всячине до тех пор, пока Касперль, как бы между прочим, не спросил вдову, что она сделала бы, если б однажды оказалось, что Васьти снова превратился в таксу.

— Недолго думая, я устроила бы грандиозный праздник! — ответила госпожа Худобок.

— Прекрасно, — заявил Сеппель, — будем считать это честным словом. А теперь отвернитесь-ка, пожалуйста, на секундочку!

— Зачем это?

— Затем, что мы должны кое-что преподнести вам. Насколько возможно бережнее, понимаете?

Госпожа Худобок повернулась лицом к стене, Касперль и Сеппель развязали бабушкину дорожную сумку.

— Гав! — подал голос Васьти и выпрыгнул наружу.

— Теперь **вы** можете повернуться, — сказал Касперль.

Госпожа Худобок вынуждена была опереться на спинку кресла, у нее задрожали колени. Слезы хлынули у нее из глаз от радостной неожиданности.

— Васьти! — всхлипывала она. — Васьтенька! Иди к мамочке, мой таксик-таксулик, дай налюбоваться на тебя!

Смеясь и плача, заключила она его в объятия и затанцевала с ним по комнате, по кухне и прихожей, по всему дому. Касперль и Сеппель дали ей вдоволь натанцеваться, потом спросили ее:

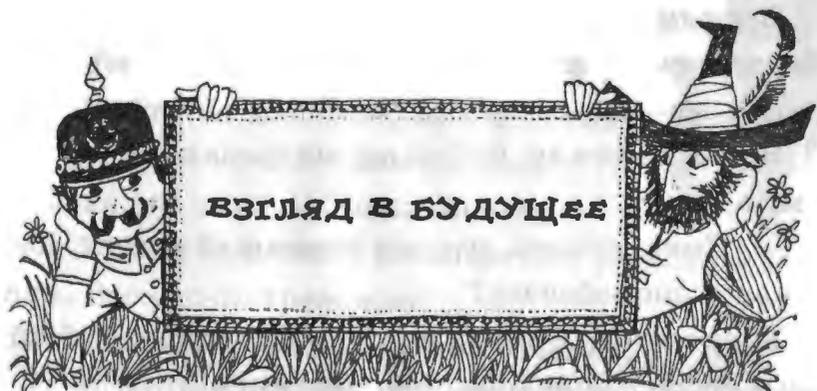
— А праздник?

— Сегодня же вечером! — воскликнула госпожа Худобок. — На праздник приглашаются все: бабушка, вы и господин Димпфельмозер!

— И господин Хотценплотц тоже? — спросил Касперль.

Госпожа Худобок качала Васьти на руках, словно грудного ребенка.

— Если вы так считаете, то и господин Хотценплотц тоже!

Это был для всех великий и незабываемый праздник. Госпожа Худобок сменила в честь сегодняшнего торжества утренний халат на длинное шелковое платье. Господин Димпфельмозер преподнес ей букет цветов, Хотценплотц бутылку сливовицы, а бабушка положила на стол три тыквы среднего размера:

— На десерт.

Госпожа Худобок сварила крепкого кофе по-турецки, на столе высились горы сладких пирогов с посыпкой и пышек с кремом, глазированных шоколадом.

На почетном месте за столом восседал Васйти, за левым ухом у него торчал голубой бант. Госпожа Худобок поставила перед ним полную миску соленых огурцов, ибо он, несмотря ни на что, остался вегетарианской таксой.

Все ели и пили, все поздравляли Васю с избавлением. Тот благодарил поздравителей веселым «гав-гав!».

В заключение бабушка надрезала одну из тыкв.

— Смею думать, что это отменный десерт. Кто желает попробовать?

Касперль и Сеппель не хотели огорчать бабушку и воспользовались предложением.

— Это тыквы, — сказала бабушка, — которые я разводила специально, — согласно заветному рецепту моей двоюродной тетушки.

Друзья откусили по кусочку и остолбенели.

— Ну как? — спросила бабушка. — Вы обратили внимание, какой у нее вкус?

— Да, — сказал Касперль, — снаружи вкус швейцарского сыра, а внутри маринованной селедки.

Бабушка пришла в ужас.

— Разве не вкус сбитых сливок? — вскричала она. — И не малинового мороженого?

— Нет! — сказал Сеппель.

— Значит, я использовала неправильное удобрение!

— Ну и что из того? — заявил Касперль. — Маринованная селедка и сыр даже очень неплохо — после такого обилия сладостей!

Госпожа Худобок поставила на стол чайные чашки и до краев наполнила их пуншем.

— Пейте на здоровье, мои дорогие, пейте, пожалуйста, это пойдет вам на пользу!

Взгляд ее упал на Хотценплотца.

— У вас выражение на лице, как у кислого судака. Вас что-то тревожит?

Бывший разбойник осушил чашечку пунша.

— Вас это удивляет, госпожа Худобок? Когда я думаю о завтрашнем дне, у меня возникают все основания к этому, — потому что я ровным счетом ничего не умею, чтобы честным способом зарабатывать себе на хлеб, разрази меня гром!

— Это не так уж страшно! — воскликнула госпожа Худобок. — Хотите чуточку заглянуть в будущее?

— Если вы можете...

Она извлекла из сундука колоду карт, отодвинула чашки в сторону и разложила карты.

— Вот это, — объяснила она, — семерка пик, а вот это валет треф. По диагонали от них лежит бубновый король, а сейчас... Да, правильно, ну что я говорила — теперь к ним в придачу идет червонный туз! Вы знаете, что это значит?

— Ни малейшего представления.

— Это значит, — воскликнула госпожа Худобок, — что вы откроете ресторан!

— Э-э... ресторан?

— Ресторан «Разбойничья пещера в лесу» — или у вас есть для него более подходящее название?

Хотценплотц резко откинулся назад вместе со стулом. Еще мгновение, и он опрокинулся бы

навзничь. Затем хлопнул себя по лбу и принялся хохотать.

— Хо-хохо-хо, это ведь и вправду неплохая мысль, госпожа Худобок! Вашим картам цены нет! Ресторан в лесу, ха-хаха-ха! А вас, дамы и господа, всех сидящих за этим столом, я приглашаю на открытие — будет разбойничье угощение, грибной соус с чесноком и сливовица... Если полиция ничего не имеет против.

Господин Димпфельмозер разгладил усы и поднял чашку с пуншем.

— Если вы *меня* спрашиваете, то я могу ответить на это только: на здоровье, господин разбойничий хозяин!

«На здоровье!» — воскликнул Касперль. «На здоровье!» — воскликнул Сеппель.

Потом они уплетали сырно-солено-селедочную тыкву до тех пор, пока у них животы не заболели, и пребывали в таком счастливом расположении духа, что не поменялись бы местами ни с одним человеком на белом свете: даже с самим собой.

Если вы хотите знать,
как называются
главы книги,
и где их можно найти,
загляните на последнюю
страницу

Человек в садовых кустах	9
У госпожи Худобок день не из лучших	17
Не было ли тут еще чего-нибудь?	23
С печатью и подписью	31
Мордобол	39
Муравейник с начинкой	47
Ловушка для разбойника	55
Фейерверк	61
Трижды долой!	68
А что же дальше?	73
Объявление о розыске	80
Господину Димпфельмозеру все ясно	84

Чеснок и нюхательный табак	89
Беспокойная ночь	95
Спрятан надежно	100
Всего лишь несколько вопросов...	104
Полиция! Полиция!	109
Всё ли в полнейшем порядке?	113
Васьти, сюда!	118
Избавление от страшной беды	123
То в гору, то под гору	128
На Вересковом холме	132
Слезы радости	138
Взгляд в будущее	143

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

Отфрид Пройслер

**РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ
И МУРАВЕЙНИК С НАЧИНКОЙ**

Ответственный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Алексей Горбачёв*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Анна Березовская*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.10.2002.

Формат издания 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,84. Тираж 4 000 экз.

Заказ № 210.

ИД № 02164 от 28.06.2000.

Торгово-издательский дом «Амфора».
197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, д. 23.
E-mail: amphora@mail.ru

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

АВТОР: ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»

www.top-kniga.ru

цена 165.00 р

Новый Бармалей Пройслер С 02.04.2003
Разбойник Хотценплотц и 287667

ДП Шук

9-8027-43303-0

РИСУНКИ Ф. ТУКЦА

SOBD

10805824

ПЕРЕВОД ЕВГЕНИЯ ВОРОПАЕВА

1

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ

и перцовый пистолет

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

2

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ

и хрустальный шар

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

3

РАЗБОЙНИК ХОТЦЕНПЛОТЦ

и муравейник
с начинкой

ОТФРИД ПРОЙСЛЕР

ЗНАКОМЬТЕСЬ: НОВЫЙ БАРМАЛЕЙ

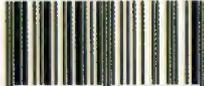
Немецкий писатель
Отфрид Пройслер
известен в России
как автор
сказочных повестей
«Маленькая Баба-Яга»,
«Маленький Водяной»
и «Маленькое Привидение».

Трилогия о приключениях
разбойника с забавным
именем Хотценплотц,
возможно,
самое знаменитое
произведение Пройслера.

Разбойник Хотценплотц -
это немецкий Бармалей,
истории о нем родители
читают на ночь
своим детям вот уже
сорок лет подряд.

В этой книге
разбойник взрывает
муравейник,
выбрасывает ножи
в болото и открывает
лесной ресторан.

ISBN 5-94278-336-5

9 785942 783365

Сделано в Санкт-Петербурге

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АМФОРА»